
18+
А.А. Казаков
СТРАНА СТРАХОВ
Роман
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

А. А. Казаков

Страна страхов. Роман

«Издательские решения»

Казаков А. А.

Страна страхов. Роман / А. А. Казаков — «Издательские решения»,

В один день каждый десятый человек впал в кому. Теперь их называют застывшими, а недуг — болезнью Паузеста. Мир смирился: близких не вернуть, и люди один за другим отключают любимых от аппаратов жизнеобеспечения. Полина Коваль ведёт расследование, готовая во что бы то ни стало вернуть мужа. Она уверена: лекарство существует. Но чем глубже Полина погружается в горе, тем ближе подступает Существо из бесконечного лабиринта. Оно обещает отвести её к мужу, но взамен просит остаться в Стране страхов.Книга содержит нецензурную брань.

© Казаков А. А.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА 6
1. Пока я сплю 7
2. Дневное похмелье 9
3. Авария на дороге 15
4. Напарник и коллеги 20
5. Диалоги с мужчинами 29
6. Пленник в подвале 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Страна страхов
Роман

А. А. Казаков

© А. А. Казаков, 2026

ISBN 978-5-0071-7780-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Для Наташи

ОТ АВТОРА

Эта книга — трансгрессивный роман ужасов о безысходности любви.

История — авторский вымысел. Как и люди, места, события. Они вымышлены и не имеют никакой связи с реальными людьми, местами и событиями. Любые совпадения случайны.

Организация СПУ — выдуманная, как и «Фармакология Бардеса», как и все другие фирмы и заведения. Если в реальности и есть фирмы, организации, предприятия с похожими названиями или аббревиатурами, я о таких не слышал.

В книге присутствуют ситуации, размышления и натуралистические описания, которые важны как для сюжета, так и для раскрытия характеров персонажей: они не являются отражением взглядов автора. Я не преследую цели обидеть кого бы то ни было.

Данная история не рекомендована к прочтению лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста.

Приятного чтения.

1. Пока я сплю

Ворочаюсь во сне с боку на бок, пока не нащупываю рукой мужское тело рядом с собой. Это мой муж, он вернулся ко мне. Он дома, а не в больнице. Без трубок во рту, без капельниц. Он дышит тяжело, как будто пьяный, но он рядом и дышит. Это главное. Глажу его волосатую грудь, прижимаюсь к нему, желая сказать, как я тосковала по нему, как мне не хватало его. Я улыбаюсь, чавкаю, не открывая глаз, спокойная: липкий сон утягивает меня, не даёт связать и двух слов.

…ох, дорогая, ты даже не представляешь, как я жил, пока не нашёл способ затягивать к себе людей. Лишь с появлением людей мой мир обрёл очертания и контуры. Стены возводились у меня на глазах, сталкиваясь друг с другом под прямыми углами, образуя лабиринт. Так пустота трансформировалась в предметы. Грани и контуры набухали и увеличивались в размерах, пока не достигли своей первоначальной формы: той же, какую имели в твоём мире. Кора наползала на деревья, арматура обрастала цементом. Я наблюдал зарождение Страны Страхов, своего дома, и это прекрасно. Дороги, дома и парки: всё это уже здесь. Но они несколько отличаются от того вида, в каком ты привыкла их наблюдать. Как будто все игрушки, что были, скидали в одну коробку, накрыли крышкой и хорошенько встряхнули. Такой мой мир сейчас. Он цельный, благодаря людям, которые ушли от вас, включая твоего мужа, но ты увидишь его, дорогая, обязательно увидишь. Хоть сейчас, если ты готова остаться со мной.

Тебе достаточно соскользнуть ко мне в темноту, и я обниму тебя, как давнюю подругу. Ты станешь моей особенной гостьей. Королевой Страны Страхов.

До появления людей я блуждал в темноте, среди сырости и тишины, будто ребёнок, резвящийся в лужах на просёлочной дороге. Я слушал лишь свой голос, и он быстро утомил меня. Раньше здесь не было ни запаха, ни тепла, но я продолжал идти вперёд, пока не упёрся… в тебя, дорогая.

Именно так я нашёл тебя.

Я брёл по длинному и широкому коридору без конца и наконец добрался до его центра. До сердца того места, где я обитаю. И сердцем всего оказалась ты. Немая и хрупкая, ты стояла среди темноты, как ледяная статуя. Будто одинокая актриса на сцене театра в ярком свете прожектора. Единственный проблеск света во мраке моего заточения.

Пойми, я не мог тебя отпустить — никак не мог. Я зацепился за тебя ещё там, в твоём мире, и, даже умерев, не оставил тебя.

Я впился в твои худенькие руки своими когтями… и ты утянула меня за собой, пускай лишь на время.

Ох, это было лучшее, что я переживал за время своей смерти! Я видел то же, что и ты. Был внутри твоей головы, как паразит или опухоль. Я не мог управлять тобой, хотя честно признаюсь: я пытался. Но это был бы слишком щедрый подарок судьбы, верно? Вот так просто выбраться из своей тюрьмы и остаться с тобой навсегда, пускай и лишь в качестве зрителя.

Но с каждым твоим пробуждением я возвращаюсь обратно. Меня отбрасывает в эту бескрайнюю пустоту. К счастью, у меня есть ваши любимые, мои рабы, и теперь я шагаю по лабиринту, который они возводят. Для нас с тобой, дорогая.

Как же приятно осознавать, что больше я не шатаюсь по темноте, скуля и воя о своей участи. У меня есть цель: закончить строительство Страны Страхов к тому времени, когда ты окончательно спустишься ко мне.

А пока спи, дорогая. Мой визит, должно быть, действует на тебя утомляющим образом.

Стыдно признаться, но я знаю всё, что ты делала этой ночью. С этим парнем. Это было… интересно, но и гадко.

Хочу, чтобы ты знала: я не осуждаю тебя.

Ты спасла меня, и если бы я мог променять всех этих людей, обитающих здесь, на тебя одну, я так и поступил бы. Не сомневайся.

2. Дневное похмелье

Просыпаюсь в обед от того, что яркое полуденное солнце светит через единственное незанавешенное окно, расположенное над кроватью у стены, и слепит глаза. Ворочаю языком, облизываю сухие губы: во рту вкус, словно всю ночь сосала немытый член. По привычке ищу одеяло, чтобы скинуть его с себя, но руки хватают лишь воздух. За ночь одеяло сбилось: валяется в ногах, а большая его часть и вовсе подметает давно немытый пол.

Свешиваюсь с двуспальной кровати, на которой сплю одна вот уже два года: с тех пор, как мой муж заболел. Кровь приливает к голове, глаза щиплет, словно в роговицы выжали немытые мыльные тряпки. Желудок поднимается к горлу при виде валяющихся на полу бутылок. Насчитываю три, все пустые. Несколько из-под джина, но есть и одна из-под белого сухого вина: она откатилась в угол комнаты и лежит в небольшой лужице.

Пахнет застоявшимся потом, испарениями от алкоголя, сигаретами, хотя я курю лишь электронки и… яичницей? Прислушиваюсь. На кухне кто-то шуршит, гремит тарелками, оттуда же доносится тихая музыка из колонки. Играют какие-то популярные, видимо, чартовые треки, я такое не выношу. Мне по душе эмбиент: такую музыку наигрывал мне муж на синтезаторе.

Сползаю с кровати, наступаю в лужу от разлитого вина. Ругаюсь шёпотом, хотя с чего бы мне шептать — квартира-то моя.

Скользкие дощечки ламината молочного цвета уходят из-под ног. Этот цвет выбирал мой муж, и это наводит на мысли, что вкуса у него не было.

Поскальзываюсь и едва не падаю на напольную вешалку с одеждой, стоящую рядом с кроватью, хватаюсь за неё рукой: вешалка трясётся под моим весом, но выдерживает. Когда я была у врача в последний раз, проходила диспансеризацию по работе, весы в кабинете показали: сорок два с половиной килограмма. Где-то в то же время мой начальник, шеф Бражунес, сказал с заботой: «Если ты не начнёшь правильно и хорошо питаться, Коваль, то к новогодним праздникам исчезнешь». Судя по ощущениям, с тех пор я смогла лишь сильнее похудеть, но никак не набрать вес.

Вытираю мокрые босые ступни об одеяло и вытягиваю из кучи одежды на вешалке чёрные кожаные штаны, просовываю в них одну ногу, когда теряю равновесие. И вот я уже скачу по комнате, пока она кружится перед глазами — пытаюсь натянуть на себя штаны, которые стали мне большими, стараясь не упасть. Грязные русые волосы лезут в лицо, перед глазами двоится.

Удержаться на ногах не выходит. Снова поскальзываюсь на луже от вина, но уже другой, в углу комнаты, задеваю пустую бутылку, и она со стуком отлетает в сторону.

Я падаю на расправленную сушилку с бельём: лифчики с трусами летят на пол, выстиранные тапочки — в разные стороны. Сушилка складывается, врезаясь мне в рёбра и спину. Клацаю зубами, прикусываю язык, но крови не чувствую.

Попытка уйти незамеченной проваливается, грохот, как от выстрелов из моего табельного пистолета.

Падая, я расправляю руки и едва не роняю с собой покрытый пылью синтезатор, стоящий у стены: тот самый, на котором после работы играл мой муж, чтобы поднять мне настроение.

На грохот из кухни выходит пузатый мужчина с бородой и в трусах.

Глаза мои распахиваются, меня бросает в хмельной пот. На секунду я думаю, что это мой муж, Артур, но я моргаю: раз, другой. Нет, конечно. Мой муж худой, с бледной от постоянного пребывания в больнице кожей.

Артур лежит в коме среди других таких же не приходящих в сознание, как и он, людей. В той больнице, где он спит, выделили два этажа под таких пациентов. Под замерших. Так их

называют. Но после того, как мэр легализовал эвтаназию застывших, койки пустеют одна за другой, и я не удивлюсь, если, придя к мужу в следующий раз, я не застану там никого, кроме него.

Люди могут усыплять своих любимых, сколько им угодно, но только не я.

— Ты в порядке? — спрашивает незнакомец в трусах, смотря на меня карими глазами, потирая волосатое пузо. В густой коричневой бороде и усах прячется насмешливая улыбка. И вот с ним я провела ночь? Боже, с каждым разом я падаю всё ниже и ниже. Мне нужно завязывать с алкоголем.

Оцениваю его, соображая, как его имя… Дима? Данил?

Имя всплывает в памяти и встаёт перед глазами, как нацарапанное на веках послание. Так в спокойном море появляется танкер, когда ты, нежась на песке, смотришь на горизонт и вообще ничего не ждёшь.

— Денис, — говорю я, хватаясь за его протянутые руки.

Ладони у него шершавые, ногти короткие, под ними скопилась грязь. Руки как у моего мужа. Рабочие, грубые. Но легче от этого не становится.

Он поднимает меня и кладёт ладони на мою талию, гладит мои выступающие из-под бледной кожи рёбра. Его касания обжигают и нервируют.

Я подтягиваю свои кожаные штаны, застёгиваю их, чтобы он понял — ничего не будет.

На ум приходят воспоминания о прошлой ночи, проведённой на нашей с мужем кровати. К горлу подступает рвота, но я сдерживаюсь, сглатываю её.

С кухни всё так же доносится играющая из колонки музыка. Слышно, как стреляет масло на раскалённой сковородке.

— Я нашёл у тебя в холодильнике три яйца. Будешь завтракать?

— Что? Нет, не буду. Эта музыка… ты её включил?

— Да. Подключил свой телефон к твоей колонке. Ты ведь не против?

— Да мне… в общем-то… всё равно.

Улыбка, спрятанная в зарослях на его одутловатом лице, становится заигрывающей. Я думаю, что в одних трусах он похож на доисторического охотника, к лицу которого прилипла взлохмаченная бобриха.

— Почему ты ещё здесь? — спрашиваю я.

Он теряется с ответом.

— Я думал, что могли бы… ну… ты понимаешь… Повторить то, что было.

— Мне пора собираться на работу. А это значит, что тебе… тоже… надо… уходить.

— Уверена?

Он гладит мои ягодицы под кожаными штанами, я отталкиваю его, чем лишь раззадориваю его аппетит.

— Исключено, — отвечаю я с нажимом, чтобы он отвалил.

— Ох, ладно, — отвечает он, улыбаясь шире, но не уходит, а, наоборот, прижимает меня к себе. Моя голая грудь касается его липкого тела.

Появляется жгучее желание оттереть себя мочалкой, пока кожа не покраснеет.

— Спасибо за всё и пока, — говорю я, вырываясь из его объятий.

Прохожу в ванную, запираю за собой дверь изнутри. Выдыхаю. Стою так какое-то время, не глядя на себя в зеркало над раковиной. С похмелья я нравлюсь себе даже меньше, чем трезвая.

Он стучит в дверь, спрашивает, может ли он съесть завтрак, а то он голоден.

Я поворачиваю кран, умываюсь, едва не захлёбываюсь водой.

— Ничего не ел со вчерашнего вечера. Не считая тебя, конечно.

Последнюю фразу он произносит как комплимент. Я как раз вытираю лицо полотенцем, и, чтобы не закричать, я прикусываю полотенце, сжимаю что есть сил, пока зубы не начинает ломить.

Он уходит на кухню, так и не получив от меня ответа: шаркает голыми ногами по ламинату — тот скрипит под его весом.

Нахожу в аптечке в шкафу противозачаточные таблетки. Проглатываю одну, запивая водой из-под крана. Вкус хлорки остаётся на языке, вызывает желание блевануть, но я дышу чаще, и оно проходит.

Чищу зубы и язык, пока не начинают болеть дёсны.

Потом втираю в волосы сухой шампунь и расчёсываюсь, прислушиваясь: ушёл он, нет?

Нет, не ушёл. Стучит вилкой по тарелке. Музыка всё так же играет.

Прятаться в собственной квартире я не привыкла. Выхожу из ванной комнаты и вижу, что он всё так же здесь. Сидит на кухне, поедая яичницу из тарелки. Чавкает, отпивает кофе из кружки моего мужа, швыркая.

Денис — или как его там — ловит мой взгляд, кивает так, будто это я у него в гостях.

Он предпринимает очередную попытку удовлетвориться за мой счёт.

— Ты была… такая… горячая, Полина.

Вообще-то все зовут меня Поляна. Но я не уверена, что сказала ему об этом прошлым вечером, когда познакомилась с ним в баре «Компост», куда пошла с одной целью: напиться. Сразу после того, как навестила Артура в больнице, но муж этого, разумеется, даже не понял.

Я сидела в почти опустевшей больничной палате, где помимо мужа остались всего три пациента, возле его койки, глядя на трубки, идущие к его рту и носу и подключённые к аппарату ИВЛ. Грудная клетка мужа под больничной одеждой поднималась и опускалась, создавая обманчивое впечатление, что он вот-вот проснётся. Глаза под закрытыми веками бегали, словно он видел яркий сон. Мониторы, отслеживающие его состояние, мерно пищали и тикали, как заведённые бомбы, выводя на экран замедленное биение его сердца.

На этой неделе будет два года, как в его обессиленное тело подают физраствор и новые лекарства по капельницам — от этого его некогда большие и мускулистые, но теперь ссохшиеся руки с исколотыми выпирающими венами пестрят синяками.

Я отпустила неподвижную руку мужа, когда в палату заглянул лечащий врач, доктор Чума, которого позвал охранник больницы после того, как я отказалась уходить. Врач, высокий и статный мужчина в халате, с ранней сединой в волосах, выпроводил меня в девятом часу вечера, заявив, что последняя вакцина, разработанная учёными для лечения болезни Паузеста, пока не дала результата.

«Точнее, очередная вакцина снова не помогла?» — уточнила я, язвя, понимая, что как только я выйду из больницы, то сразу отправлюсь в бар.

«Понимаю ваше негодование, но не теряйте надежды, Полина. Прошло не так много времени с момента её тестирования», — ответил доктор Чума, успокаивая меня. Вид у него был уставший, если не сказать — измученный.

«Два года в коме — это немало».

«Выздоровление — долгий процесс. А мы имеем дело с тем, что никогда прежде не встречалось. Врачи и учёные по всему миру борются за миллионы жизней. Иначе болезнь не победить. Вы, как сотрудник СПУ, должны знать, как работает система. Каждую вакцину нужно тестировать и верить в лучшее».

«Вы верите, что лекарства и правда всё ещё нет?» — спросила я у врача, чем явно смутила его. Расстроенная дура, в другое время я и рта при нём не открыла бы.

«Ну, у меня его точно нет, если вы об этом», — ответил доктор Чума и покашлял в кулак.

«Ответственность за создание и реализацию лекарства от болезни Паузеста в нашей стране лежит на крупнейшей фармакологической компании „Фармакология Бардеса“, иссле-

довательский центр и филиал которой имеются в том числе в нашем городе. Если наши родные до сих пор не пришли в сознание, то это их вина», — сказала я, и на это доктор Чума ничего не ответил.

Я пересекла пустой больничный коридор, погружённый в полумрак: свет горел не везде, лампы под потолком уже выключили. Я шла, стуча подошвами сапог, и звук этот отражался эхом. Я заглядывала во все палаты с открытыми дверьми: раньше заполненные до отказа, теперь они опустели. В них стояли заправленные кровати — спасибо новому закону об эвтаназии. Но попадались и такие палаты, где всё ещё лежали застывшие, чьи родственники, как и я, не потеряли надежды на то, что появится лекарство.

Но эти бедные люди, близкие и любимые застывших, не знают того, что известно мне: лекарство существует, надо лишь убедить кое-кого отдать его мне.

— Полина? — повторяет Денис, с аппетитом уплетающий завтрак из яиц. Ему можно только позавидовать: с таким похмельем, как у меня, мысли о еде вызывают тошноту.

Остаётся надеяться, что он не из тех прилипал, кто после секса донимают тебя звонками и сообщениями, напрашиваются на новую встречу.

Понимая, что он не собирается уходить, я иду в комнату, роюсь в белье, которое упало с сушилки. Выуживаю белый лифчик на косточках без бретелек, надеваю. В коридоре обуваю кожаные сапоги, соображая, что надеваю их на голые ноги. Плевать. Надеясь, что они не натрут мне пальцы.

— Значит, ты и правда уходишь, — скулит Денис, не глядя на меня. Я не отвечаю ему. Если он такой тупой, что не понимает очевидного (спать с ним снова я не стану), то мне нечего ему сказать.

Застёгиваю короткую коричневую куртку с высоким воротником на молнию, хватаю ключи с комода и достаю из него футляр с солнцезащитными очками.

Надеваю очки и выхожу из квартиры.

Словно осознавая, что никакими чарами он не обладает и задержать меня не сумеет, Денис подрывается с места, ударяется ногой о ножку стола и стонет, потирая её. Всё ещё жуя завтрак, с набитым ртом, он говорит:

— Может, кофе хотя бы выпьешь?

Алло, это моя квартира, парень! Если я захочу кофе, я не стану тебя спрашивать. Но ему я отвечаю, смотря в его карие глаза — на мне тёмные очки, и это дарует мне иллюзию, что между нашими глазами барьер — следующее:

— Да, я ведь сказала, что мне пора на работу.

— Но время уже обед! Какая работа…

Обед? Вот же чёрт! Я всё проспала. Корявчик снова обвинит меня в том, что я распиздяйка.

Отвечаю ему, что у меня свободный график посещения, и добавляю, чтобы не ранить его окончательно, открывая дверь:

— Увидимся… Денис!

Хотя про себя думаю: бля, съебись ты, как положено, до того, как я проснулась, мне сейчас не пришлось бы сбегать.

Он отвечает тихо, чуть ли не плача, что не рифмуется с его внешностью — взрослого бородатого самца:

— Я думал, может, мы проведём день вместе?

— Исключено. Когда закончишь, захлопни за собой дверь. Замок сам закроется.

Он следует за мной, выходит босиком в общий коридор, и вот мы стоим на этаже: движения его несуразные, заторможенные, словно части тела функционируют отдельно друг от друга. Он наверняка прошёл бы за мной до лифта, но, глядя под ноги, понимает, что необут. И остаётся стоять на пыльном плетёном коврике возле двери, переминаясь с ноги на ногу.

— Я могу подождать тебя, если нужно! Я никуда не спешу, — предлагает он, словно я только этого и ждала, чтобы какой-то волосатый тип ждал меня с работы.

Боже, верни мне моего мужа, обещаю, я никогда больше не буду пить. Только верни мне Артура!

— Не стоит тебе этого делать, — отвечаю я как можно мягче, но так, чтобы он понял, что по возвращении домой я не желаю видеть его в своей квартире.

Поворачивается замок на железной двери соседней квартиры, дверь открывается. В коридор выходит пожилая женщина со свекольного цвета волосами и нестриженой собачкой на поводке. Соседка смотрит на меня, потом на мужчину в трусах, мнущегося в нерешительности возле моей двери.

Соседка бросает на меня презрительный взгляд поверх очков на носу, хмыкает. Собачка, виляя хвостиком, бежит ко мне с высунутым языком, скребя нестрижеными когтями по бетонному полу в коридоре, но женщина тянет поводок и тащит собачонку за собой к лифту.

Я вздыхаю. Спускаться с девятого этажа вместе с этой старой грымзой, у которой нет своей жизни, кроме как убирать говно за собакой, мне не хочется. Впрочем, она не виновата, что осталась одна: вся её семья, муж, трое детей и четверо внуков застыли два года назад. Можно сказать, что на её фоне я легко отделалась: у меня в коме лишь муж и родители.

Но жалость к другим не в моей природе.

Поворачиваюсь к Денису. Осматриваю его с головы до ног, останавливаюсь на его нависающем над трусами животе: в волосах на груди крошки. Только при ярком свете ламп в коридоре, смешивающемся с солнечным светом, проникающим через окно в конце коридора, я замечаю, что его опухшее после пива лицо… довольно… симпатичное. Даже несмотря на эту уродскую поросль коричневых волос на щеках, подбородке и шее.

У него красивые карие глаза, да, и шикарные русые волосы: длинные, не редеющие и чистые. Вспоминаю кое-какие моменты из прошлой ночи с ним, которые обрушиваются на меня яркими вспышками, сопровождаемые обильным потовыделением под мышками: краснею, борясь с желанием удариться головой об стену в подъезде.

— Денис, да? Послушай. То, что произошло, было…

— Неплохо? Или плохо?

Он снова улыбается в нерешительности.

— Это было мне нужно. Но дальше ничего не будет.

Он хлопает ресницами, длинными, как у девушки. Понятно, почему он мне приглянулся.

С лязгающим звуком открываются двери лифта. Соседка с собачкой на поводке косится на меня в последний раз, прежде чем скрыться в кабине. Собачка лает, и этот лай становится тише, как будто доносится из коробки, когда двери кабины закрываются, но звук не пропадает полностью, даже когда лифт опускается.

— Ясно, — отвечает Денис, обижаясь. — Ты наверняка даже не помнишь, чем я занимаюсь, верно?

— А это так важно?

Он не считывает сарказма в голосе.

— Раньше я вёл свадьбы. Но в последние два года всё сложнее найти пару, готовую связать себя узами брака. Кризис, что сказать. Теперь я работаю с музыкальными группами. Организую им выступления в клубах и барах…

Сейчас он, конечно же, пригласит меня на одно из таких сборищ.

— … там весело, и ближайшее как раз будет в эту пятницу.

Ну вот.

— Это круто, да… Но мне такое неинтересно, без обид.

— Зря. Парни здравые. Изменят мир. И не только музыкальный.

— Понятно.

Впечатлить меня у него не получается, жаль бедолагу, он так старается.

Я отвечаю ухмылкой: мол, что за бред, парнишка? Похоже, что мне такое интересно?

Возможно, чтобы исправить это, он шепчет:

— Видела баннеры, листовки и плакаты по всему городу? Их работа.

Я меняюсь в лице.

С этого надо было начинать, герой-любовник.

— С призывами убрать мэра? — спрашиваю я, смотря на него с недоверием.

— Всё верно. — Денис сияет, довольный, что всё-таки завладел моим вниманием. — Это они делают. Настоящие оппозиционеры.

— Скорее, вандалы. Нарушители общественного порядка. Но я пообщалась бы с ними. Устроишь нам встречу?

— Приходи на выступление в эту пятницу, — говорит он, смеясь. И добавляет невпопад, съезжая с темы: — Я заметил синтезатор у тебя в комнате? Играешь?

Он лыбится, как полоумный дурачок.

— Моего мужа, — отвечаю я, думая, что Денис трепло редкостное.

Никого ты не знаешь, Денис. Никаких оппозиционеров-вандалов.

Наверное, я вчера рассказала ему, что помимо прочих дел расследую это, связанное с поимкой вандалов, клеящих все эти неугодные мэру плакаты.

Вот он и пытается впечатлить меня, из кожи вон лезет.

Но я на такое не куплюсь.

— Ох, понял. Ладно. Я тоже, пожалуй, пойду. Подождёшь меня?

Не дожидаясь моего ответа, он возвращается в мою однокомнатную квартиру, которую мы купили с мужем сразу после свадьбы. Входную дверь оставляет открытой и смотрит на меня, ожидая… чего? Снисхождения? Понимания? Или, может, что я захочу его лишь потому, что хотела видеть и ощущать хоть кого-нибудь рядом с собой вчера?

Этот алкоголь меня доконает.

Понимаю, что едва не ушла без рюкзачка, в котором помимо прочего ношу свой телефон, документы и пропуск на работу. Думаю, где его оставила. Неужели в баре? Но заглядываю в квартиру и замечаю рюкзачок на полу: между стеной и комодом. Должно быть, он упал.

Денис возится в комнате, натягивает на себя одежду: вижу его спину. Он спешит, чтобы успеть выйти со мной. Чтобы не упустить шанс.

Я не твой шанс, Денис. Даже близко, нет. Лучше тебе держаться от меня подальше, поверь.

Крадясь, как вор, переступаю через порог, поднимаю рюкзак с пола: собираю в него то барахло, что из него высыпалось.

— До свидания, Денис.

С рюкзачком на плечах я захлопываю дверь квартиры со стороны коридора и бегом спускаюсь по лестнице, держась за перила, чтобы скрыться от него как можно скорее. На тот случай, если он решит догнать меня.

Психов мне и на работе хватает.

На лестничном пролёте между этажами у меня сжимает грудь, кружится голова, к горлу снова подступает тошнота. Я открываю крышку мусоропровода, вдыхаю гнилое зловоние, исходящее оттуда. Сую голову в темноту и со слезами на глазах наконец-то извергаю из себя выпитый накануне алкоголь.

3. Авария на дороге

Во дворе дома роюсь в рюкзачке в поисках ополаскивателя для рта. Когда нахожу бутылёк синей жидкости, полощу рот и сплёвываю в каменную урну возле скамейки. Свежесть во рту смешивается с перегаром, я рыгаю. Солнце слепит, пробиваясь даже через чёрные стёкла очков. Голова раскалывается. Прохожий, крепкий бритоголовый мужчина в синем спортивном костюме, косится на меня — в глазах упрёк и насмешка — но когда я достаю и показываю ему документ, удостоверение СПУ, он замирает на тротуаре, словно его молнией прибило, а затем в спешке ретируется.

— Шагай, дядя, — шепчу я, ухмыляясь, но он этого уже не видит.

Нахожу в рюкзачке ключи от машины, у меня служебная машина, «Лада Гранта», предоставленная Специальным Преступным Управлением для личного пользования, как и другим сотрудникам-офицерам.

Нажимаю на брелоке кнопку, чтобы снять машину с сигнализации, но не слышу характерного пиликанья в ответ. Выхожу на бетонированную парковку, усыпанную листвой и расположенную под открытым небом во дворе многоквартирного дома. На парковке растут клёны, по высоте доходящие до пятого этажа дома, в котором я живу. Не переставая жму на кнопку на брелоке, но результат тот же. Моя машина не откликается.

— Вот же… сука, — говорю я, пряча брелок в рюкзачок.

Вспоминаю, что домой прошлой ночью ехала на такси, пока Денис, или как его там, изучал мой рот своим языком, тёрся об моё лицо своей бородой.

Значит, я оставила машину на парковке бара.

Достаю телефон, чтобы вызвать такси, и вижу, что на нём шесть пропущенных и два сообщения. Звонил Корявчик, мой напарник по службе. В последний раз — час назад. Не перезваниваю. Читаю сообщения.

Одно от напарника:

«Ну и где тебя носит, Поляна? У нас дело».

Под делом он имеет в виду встречу в кабинете мэра города, которую нам организовал шеф Бражунес. Явка была обязательной. Чёрт!

Второе сообщение от моей младшей сестры, Люли: она спрашивает, приду ли я на семейный обед в субботу.

Пишет, что годовщина эпидемии как-никак.

Два года, как наши родители, точно овощи, лежат и сохнут в больнице: но не в той, где спит Артур, и я без зазрения совести не навещаю их.

Под семьёй сестра имеет в виду себя, своего мужа Крамма и двух дочерей.

— Ну и срань, — говорю я, не замечая, что на парковке среди машин я не одна.

Из открытой двери новой китайской иномарки, серебристого кроссовера, показывается мой сосед с другого этажа. Он руководил мелкой фирмой по предоставлению ритуальных услуг ещё до эпидемии, и дела у него шли откровенно хуёво. Но с тех пор, как правительство, отчаявшись найти лекарство, в начале года разрешило органам местного самоуправления и должностным лицам на законном уровне совершать эвтаназию по отношению к застывшим, Бром разбогател.

— Какие-то проблемы, Поляна? — спрашивает он, поправляя чёрные очки. На нём белая рубашка и чёрный костюм, на ногах лакированные ботинки.

Я называю этот его прикид костюмом гробовщика.

— Порядок, Бром! Сам как?

Работая в СПУ, я привыкла называть людей по фамилии. Оттого странно, что я не помню фамилии того парня, с которым провела ночь.

— Неплохо, очень даже, — отвечает он в своей привычной высокомерной манере. Мол, у таких, как он, дела плохо не идут. А я помню времена, когда он последний хуй с солью доедал, сотрудники увольнялись из его фирмы, а он пил как не в себя, но сейчас вроде как бросил. Мой муж дважды бил ему морду за то, что Бром, будучи пьяным, приставал ко мне. Я тогда работала опером в полиции, и по уму надо было арестовать его, но к алкоголикам я отношусь терпеливо. Они не напрягают меня. — Погодка шепчет, а?

— Есть такое. Но говорят, на днях зарядят дожди на целую неделю. Обещают небывалое количество осадков.

Он хмыкает, будто его такие глупости не волнуют.

— Ты опаздываешь? — спрашиваю я.

— Я-то? Нет. Трупы могут и подождать, верно?

— Наверное, можно и так сказать.

От этих его слов мне хочется съездить ему по зубам. Бром один из немногих, кто не потерял никого из близких ему людей. Его семьи болезнь Паузеста никак не коснулась. Чего не скажешь обо мне и сотнях миллионов других семей по всему миру.

— Где твоя машина? — спрашивает Бром, разглядывая меня с ног до головы.

Это видно даже за чёрными стёклами его очков. У меня нюх на извращенцев. До того, как перевестись в Специальное Преступное Управление, я шесть лет проработала в полиции, последние два года оперуполномоченным уголовного розыска. Бром облизывает губы и нервно хихикает.

— Сама не знаю, — отвечаю я, делая вид, что ищу машину, хотя уже точно уверена, что она осталась у бара. — Подвезёшь меня?

— Снова?

— А есть проблемы?

Зацепиться языками с Бромом — это всегда надолго.

Достаю электронку, закуриваю, выдыхая дым: его уносит лёгкий ветер.

— Какие планы на субботу? Годовщина всё-таки, — говорит Бром.

— Похоже, обедаю с сестрой и её семьёй. А у тебя?

— Буду работать. У меня полный холодильник тел, а к субботе число клиентов увеличится как минимум втрое.

Я не скрываю отвращения к нему, моё лицо кривится.

— Клиенты. Вот кто они для тебя?

— Сама понимаешь. Бизнес есть бизнес.

— Они чьи-то дети. Чьи-то родители. Друзья и близкие.

— Да, конечно. Но работа есть работа, верно?

— Они пока ещё живые люди, Бром. Не трупы. Мёртвыми их делают семьи. От безысходности. Но пока их не усыпили, они всё ещё живые люди.

Он задевает меня за живое.

— Чего ты так на меня взъелась? Мы ведь просто болтаем.

— Побольше уважения, Бром.

— К тебе или к больным… этой… хренью?

Ему всё шутки. У таких, как Бром, нет сердца. Вместо него у них печатный станок, плюющийся деньгами.

— Ко всем, — отвечаю я, всё ещё стоя на парковке. Ехать с ним не хочется, но по пути я могу разыграть с ним одну штуку. Заставить его понервничать.

Словно оправдываясь, он говорит, но на деле лишь пересказывает статистику, которая мне и так известна:

— Знаешь, чем ближе к годовщине, тем больше людей отчаиваются. Умерщвляют своих родных и близких. Коллективное помешательство.

— Знаю. Понимаю. Но не разделяю их энтузиазма.

— Ты как? Не надумала?

Видимо, ему хватает ума считать эмоции на моём лице, чтобы не развивать эту тему дальше. Но если бы он продолжил, я с радостью съездила бы кулаком по его самодовольной морде.

Артур давно врезал бы ему.

Бром отворачивается, потирая руки. Я всегда обращаю внимание на мужские руки и обувь. Однажды, когда он также подвозил меня до работы, то зачем-то накрыл мою ладонь своей. Может, он рассчитывал, что за этими поездками последует что-то большее? Ладонь у него оказалась гладкой, как у девушки. Это шло вразрез с руками моего мужа, который с двадцати лет работал на производстве мебели, но при этом умудрялся стучать по клавишам синтезатора. Меня это всегда поражало.

Я молчу, и Бром спешит объяснить. Извиняться он не умеет.

— Вот же чёрт. Это прозвучало грубо, Поляна. Я стал чёрствым с этой работой. Столько мертвецов. Каждый день. Со временем перестаёшь видеть в них людей.

— Забудем.

Обхожу припаркованные машины, усыпанные красно-оранжевыми листьями клёна, приминая сапогами редкую жёлтую траву, пробивающуюся через трещины в бетоне парковки. Замечаю вырытую канаву на другой стороне улицы: коммунальщики готовятся ремонтировать трубы. Работников поблизости нет. Значит, скоро отключат воду, но, скорее всего, они снова не управятся до дождей, и канаву зальёт — как это чаще всего и бывает.

Бром открывает мне пассажирскую дверь изнутри, я забираюсь на сиденье. Прежде чем скрыться в машине, я замечаю на стволе одного из клёнов плакат с надписью: НЕ ДАДИМ МЭРУ УБИТЬ НАШИХ БЛИЗКИХ, ВЕРНЁМ БОЛЬНИЦАМ ФИНАНСИРОВАНИЕ!

Бром заводит двигатель и, кладя руки на руль, говорит:

— Скоро я начну брать с тебя деньги, как за личное такси.

— Тогда мне придётся наведаться в твоё похоронное бюро, чтобы проверить, как вы заботитесь об усопших. С должным ли отношением к их памяти.

Улыбка меркнет на его щетинистом лице.

Мы выезжаем с парковки, проезжаем по двору соседнего многоэтажного дома и, буксуя в выбоине на дороге, сворачиваем на проезжую часть. Вклиниваемся в характерный для обеденного времени поток машин — но не такой плотный, как раньше, до начала эпидемии. Число жителей в городе сократилось, а вместе с ними и автомобили на дорогах поредели.

— Не знал, что у тебя есть такие полномочия, — говорит Бром, не глядя на меня.

Он следит за дорогой, предплечье левой руки лежит на руле.

— У нас есть, в СПУ, полномочия многих ведомств.

— Вот как? — спрашивает он и ждёт, что я всё ему расскажу.

— Ага, — отвечаю я и замолкаю.

Открываю окно в машине. Бодрящий ветер треплет волосы, они закрывают мне лицо. Присасываюсь к электронке, отвернувшись от Брома.

Вдыхаю-выдыхаю пар в окно, салон машины наполняется ароматом клубники. Бром отмахивается от пара, кашляет.

— Слушай, я ведь просил тебя не дымить этой хренью в моей машине, да? Знаешь, что эти штуки вызывают рак? Хочешь попасть ко мне в контору раньше времени?

— А ты был бы рад, да? Изучил бы меня мёртвую как следует?

Он опускает голову и смотрит на меня поверх чёрных очков: у него топорщатся пара лишних подбородков.

— Что? Я… Ну ты… как скажешь тоже!

И тогда я разыгрываю свою карту, чтобы немного приспустить этого надменного мудака на землю.

— Ладно, Бром. Брось. Двое твоих сотрудников сейчас проходят подозреваемыми в нашем деле о некрофилии. Не только для личного пользования, но и для чужого. Смотри также, для распространения среди таких же психов. У них там целая сеть уродов.

— Как это? — говорит он, хрипя и сглатывая слюни. — Почему мне никто об этом не сказал?

Ты уже не такой важный, да, Бром-гробовщик?

Наше ведомство одним своим названием, СПУ, нагонит жути на кого угодно.

— Я говорю. Тебе. Сейчас. И это секретная информация. Так что держи её при себе, понял?

— Да, Поляна. Конечно, чёрт! Но кто… эти… двое?

Бром потеет, хотя в машине прохладно от проникающего через открытое окно ветра.

— Не могу разглашать. Но я сообщу, когда к тебе нагрянут наши ребята. Чтобы ты мог… хм, не знаю даже… подготовиться?

Надменность слетает с него. Выглядит Бром сейчас так, словно ему наложили в рот вонючую кучу и заставили прожевать.

Дальше он уже визжит:

— Но я даже не знал, что у меня такие работают! Скажи мне, кто эти сотрудники, Поляна! Я должен знать! Прошу тебя! Я откручу им головы и уволю сегодня же.

— Всегда жди худшего, Бром. Всегда. Жди.

Третировать и запугивать такого выскочку, как он, приносит мне почти сексуальное удовлетворение.

— Но как же… как ты можешь… Ох! Жестокая женщина. У меня сердце сейчас выскочит.

В подтверждение своих слов он кладёт гладкую, нежную ладонь на грудь поверх белой рубашки. Это не оказывает на меня должного воздействия, и тогда Бром снимает очки, сверлит меня серыми глазами из-под тонких, выщипанных бровей. Его рот открывается, обнажая маленькие и белые, ровные зубы, явно сделанные: язык ворочается у него во рту, как неприкаянная змейка.

Он не успевает ничего больше спросить, так как звонит мой телефон.

Корявчик. Сбрасываю звонок и пишу ему, что скоро буду.

В ответ приходит сообщение:

«ЖДУ ТЕБЯ НА НУЛЕВОМ ЭТАЖЕ, ШЕВЕЛИСЬ, ПОЛЯНА».

Никогда не понимала, зачем люди, знакомые с тобой не первый год, в личном сообщении обращаются к тебе по имени? Может, это тоже какая-то болезнь?

Мы встаём в пробку на кольце возле выстроенного подковой оранжевого торгового центра. На дороге авария, столкнулись фургон с эмблемой «Фармакология Бардеса» и белый легковой автомобиль. У фургона помята боковая дверь, краска слезла, а сама дверь приоткрылась. Наружу выпали коричневые коробки. Легковой автомобиль всмятку, на месте работают сотрудники скорой помощи, рядом стоит полицейская машина с работающими мигалками.

Движение замерло, и все машины в потоке ползут по грунтовой обочине, объезжая аварию. Автомобилисты сигналят друг другу, кричат в открытые окна.

В горле першит от электронной сигареты, сигнальный огонёк на ней мигает: разрядилась. Убираю обратно в рюкзачок, закрываю окно, шум стихает.

Бром шепчет: ну наконец-то. Включает кондиционер.

Он хрипит, набирая в лёгкие воздух, чтобы спросить:

— Так ты пошутила или мне следует проверить своих сотрудников?

— Сотрудников всегда следует проверять, Бром. Не мне учить тебя нанимать людей на работу.

Он взмахивает руками, бьёт ими по рулю: то ли недовольный тем, что мы стоим в пробке, то ли тем, что не может добиться от меня ответов.

— Ну что за день, блядь, — жалуется он.

Тебе бы мою жизнь, Бром, вот где полная жопа.

Пробка рассасывается. Мы объезжаем аварию. Я замечаю, что на водительском сиденье легкового автомобиля, попавшего в аварию, виднеется кровь. На капоте также лужа крови, как и на разбитом лобовом стекле. Осколки стекла валяются на асфальте. Одна из коричневых коробок, выпавшая из фургона, открылась: на дорогу высыпались ампулы. Они треснули, и жидкость из них растеклась по асфальту.

Дверь белого фургона открыта.

Люди в форме скорой помощи возятся с человеком, сидящим на бордюре. Он держится за голову: нос разбит, на лбу длинный порез.

На нём синяя униформа сотрудника фармакологической компании.

Озираюсь по сторонам, насколько это возможно, сидя в машине, и замечаю камеру видеонаблюдения на столбе у съезда с кольца. Направленная точно в то место, где произошла авария — я надеюсь, что она работает.

До здания, где располагается СПУ, Бром довозит меня молча.

Он паркуется на автобусной остановке, мешая общественному транспорту делать свою работу.

Выходя из машины, я прощаюсь с ним, он не отвечает, и в следующую секунду, свистя шинами, его кроссовер срывается с места и возвращается на проезжую часть.

Меня посещает мысль: если бы ночью прошёл дождь, то, уезжая, Бром непременно припарковался бы в луже и с радостью окатил бы меня грязной дождевой водой из-под колёс своей машины.

Радует, что осень в этом году сухая и тёплая. Пока что.

4. Напарник и коллеги

Главное здание СПУ, где я работаю, располагается в тупике двух второстепенных улиц на берегу реки и не примыкает к каким бы то ни было другим зданиям. Ближайшие соседи находятся в квартале от нас: шиномонтаж «Сорвать резьбу», бар «Гуталинка», где подают сносные обеды и куда некоторые из наших сотрудников заходят вечером выпить пива, а также заброшенная лодочная станция с развалившимся причалом. На территории последней доживают свой век перевёрнутые лодки. Они гниют на бетонных плитах, установленных под углом в сорок пять градусов к берегу.

С другой стороны главного здания находятся ещё два, разделённые заасфальтированной парковкой: одно — это ангар для служебных машин, а второе — длинное одноэтажное здание, изолятор СПУ, где содержатся наши арестованные, ожидающие Трибунала. Попасть в изолятор можно как по земле, перейдя парковку, так и под землёй по туннелю: так задержанных доставляют на суд, когда их судьбу решает Трибунал СПУ.

СПУ занимает девять этажей отремонтированного административного здания. Оно вмещает пятьсот кабинетов, из половины которых открывается вид на широкую спокойную реку с мутной водой и хвойным, слегка плешивым лесом за ней. Многие кабинеты пустуют: у нас некомплект по сотрудникам, как и почти во всех организациях и фирмах из-за эпидемии. Стёкла в окнах светоотражающие: внутрь не заглянешь.

На первом этаже находится столовая, блевотный запах казённой еды разносится по всему коридору: как правило, я выбираю вместо несварения — обед в баре «Гуталинка». В другом конце здания зал для пресс-конференций, в котором я предпочитаю по возможности не появляться.

Проходя охрану на входе, машу дежурному в форме: он сидит в будке со скучающим видом. Я прикладываю пропуск-карточку к турникету. Раздаётся громкий писк, закладывающий уши и способный разбудить любого, кроме разве что застывших. Красный сигнал турникета сменяется зелёным. Стальные лопасти вертушки крутятся, точно жаждут перемолоть меня, и я прохожу по выложенному плиткой коридору с белыми стенами. Сворачиваю у лифта, который ездит медленнее, чем старуха умирает, и спускаюсь в подвал. Там располагаются две раздевалки, мужская и женская, бассейн, спортивный и баскетбольный залы, а также сауна и хамам. Там же в коридоре имеется тяжёлая дверь, ведущая в тоннель к изолятору: она всегда закрыта.

Спортзалы в подвале чаще посещают сотрудники-мужчины, чем женщины. Это их ложе, не знаю, почему так повелось. Поплавав однажды в бассейне, я услышала столько комплиментов в свой адрес, что решила — ноги моей больше там не будет. И это при условии, что я не из пугливых и меня нелегко смутить.

Когда я перевелась сюда два года назад, уволившись из полиции, здесь уже правил патриархат.

Зная, где искать Корявчика, я захожу в мужскую раздевалку, не глядя на полуголых парней — их здесь человек десять-двенадцать, мокрые после душа — но и не стесняясь их. Самые смелые присвистывают мне вслед, другие смеются.

— Меня ищешь, подруга? — спрашивает один из смельчаков, ставя ногу на скамейку и демонстрируя мне свои заросшие, скрытые в мочалке волос гениталии.

Его дружки подсвистывают ему. Кто-то бьёт его мокрым полотенцем по спине, чтобы умник угомонился. Но он занял позицию: замер и ждёт моей реакции.

Табельное оружие, мой пистолет, лежит в сейфе в кабинете. Каждый день, уходя с работы, я обязана сдавать его, хотя отчитываться за это ни перед кем не надо. Но это и к лучшему, что

пистолета при мне обычно не бывает: иначе я давно пустила бы его в ход против таких, как эти, типов где-нибудь в баре или на улице.

По обе руки от меня тянутся шкафчики, некоторые открыты. В конце раздевалки туалет, там журчит вода из крана, а также закрытая дверь в душевую, из которой, как и из женской душевой, можно выйти в общий для мужчин и женщин бассейн. Пахнет хлоркой, мускатным орехом и застоявшимся потом.

Голый умник, задирающий меня, всё так же стоит, упираясь одной ногой в скамейку, демонстрируя себя, пока другая его нога на полотенце, расстеленном на полу. Я подхожу к нему, осматриваю его хозяйство с многозначительным видом, будто эта штука у него между ног меня заинтересовала.

После чего присаживаюсь, хватаюсь за край полотенца и дёргаю полотенце на себя что есть сил. Парень теряет всю свою крутизну, отпрыгивает назад, размахивая руками, как подбитая птица крыльями, и шлёпается в лужу на полу.

Раздаётся тихий, но отчётливый хруст, слышу который, похоже, я одна: его дружки смеются. Тот, кто хлестнул его разок полотенцем, протягивает шутнику руку, чтобы помочь подняться. Но голый умник, весь красный, морщась от боли, переворачивается на бок, держась за ногу. Отмахивается от руки помощи и лежит на полу, мерно покачиваясь с боку на бок.

Он громко выдыхает, на глазах выступают слёзы.

— Ты мне ногу сломала, сука! — говорит он, едва не плача.

— Ерунда, — отвечаю я. — Максимум трещина на лодыжке. Покажись врачу, но тебе скажут приложить лёд и ехать в больницу. А там, наверное, загипсуют. На твоём месте я не теряла бы времени. Сразу отправилась бы в травматологию, где в подробностях объяснила бы, что именно тут произошло.

— Это ты так смеёшься над ним? Совсем больная, что ли!

Я смотрю на защитника этого шутника: на того, кто пытался поднять его. Кто хлестал его мокрым полотенцем. Волосы короткие, как и у всех сотрудников-мужчин, и стоят ёжиком.

Его щёки раздуваются. Он здоровый и недовольный, опасная комбинация.

— Сука, ты за это ответишь! — отвечает пострадавший, чем вызывает у меня улыбку. — Я подам жалобу… на тебя.

— Жалуйся на здоровье. Моя фамилия Коваль.

— Капитан Коваль! Что ты тут делаешь?

Я выглядываю из-за толпы мужиков, собравшихся вокруг раненого: они помогают ему подняться, держа его за руки, пока он кряхтит и шипит, как придавленная сапогом к земле змея. Замечаю Корявчика, моего напарника: он выходит из туалета.

На нём такая же одежда, как и на Броме, который меня подвозил, только дешёвая. Чёрный костюм и рубашка, отдающая желтизной, на ногах ботинки из кожзама без шнуровки. Единственное отличие в одежде: на Корявчике криво завязанный тонкий чёрный галстук.

Он был в душе, о чём говорят его сырые, как и у других мужчин в раздевалке, волосы — тёмные и такие же короткие, разумеется. А ещё влажное после бритья лицо. Он выходит из туалета, где стирал носки, потому что именно их он и держит в одной руке.

— Агент Корявчик! — говорю я воодушевлённее, чем следует. Чтобы эти уроды поняли, что и у меня здесь есть друзья. — Я искала тебя!

— Эй, дружище, ты что, знаешь эту… сумасшедшую… суку? — спрашивает травмированный мужчина.

Друзья-коллеги уже подняли его с пола, и теперь он стоит на одной ноге, согнув другую в колене и закинув свои накачанные руки на плечи поддерживающих его парней. Те стоят по бокам от него, как телохранители.

— Это моя напарница. Полина Коваль. Поляна, как она сама себя называет.

— Тогда понятно, — отвечает раненый, обнажая неровные зубы. — Ты та тёлка из убойного в полиции, которая оказалась взаперти с каким-то маньяком… Его называли ещё как-то странно, да? Поняли, о ком я, парни?

Сонный Паралич, говнюк. Его прозвали… Сонный… Паралич.

Морщась от боли, он щёлкает пальцами, вспоминая.

Ему отвечает один из тех парней, кто его держит:

— Сонный Паралич или как-то так. Об этом делали репортажи журналисты и снимали видео всякие блогеры. Моя жена даже смотрела тру-крайм-выпуск о тебе, подруга. Да ты знаменитость, ха!

Раненый не разделяет его энтузиазма и язвит мне:

— Значит, у нас тут бывший опер. И, похоже, не особо хороший. Раз угодила в такую западню. Неудивительно, что тебя после этого из полиции попёрли.

Прежде чем я успеваю что-либо ответить, встревает мой напарник.

— Вы что-то не поделили, я так вижу?

— Просто мерились письками, ничего такого, — отвечаю я.

Потом улыбаюсь во весь рот и машу этим придуркам рукой, играясь пальчиками с воздухом, чем вызываю у раненого новый приступ гнева на его искажённом болью лице. Я разворачиваюсь и ухожу.

Корявчик ругается, бросает мокрые носки в свой шкафчик. Я вижу это в большом зеркале на двери, в котором отражается вся раздевалка. Он спешит за мной на выход.

— Ну вот зачем ты так, а, Поляна? Эти люди мои друзья. И с некоторыми из них я работал над кучей разных дел.

— Тогда попроси убрать тебя из моих напарников, — отвечаю я, поднимаясь по лестнице, ведущей из подвала на первый этаж. Корявчик бежит за мной, стуча каблуками ботинок по каменным ступенькам. — Скажи шефу, что ты не можешь работать со мной, потому что это рушит твои дружеские связи.

— Я не это имел в виду. Послушай. Когда ты только пришла, я единственный, кто согласился работать с тобой. Я не пытаюсь выставить себя каким-то принцем, ничего такого. Но на тот момент у меня был карт-бланш в плане работы. Я только закрыл крупное дело, связанное с производством дверей, и потерял своего непосредственного руководителя. Она работала под прикрытием, прикидывалась психотерапевтом, чтобы убедить одного парня помочь нам. Обрабатывала его. Да, нехорошая получилась история. Она погибла, а парень остался инвалидом.

В коридоре на первом этаже я прохожу к автомату с кофе, установленному напротив зала пресс-конференций. Ищу банковскую карту в рюкзачке, но не нахожу и хлопаю ладонью по кнопкам на автомате.

Проходящие мимо сотрудники-мужчины озираются на меня. Один из них похож на выдру, и это вкупе с донимающим меня похмельем смешит так, что я не могу сдержаться. Мужчины смотрят на меня как на сумасшедшую.

Корявчик протискивается между мной и автоматом с кофе, выбирает чёрный кофе без сахара и сливок, оплачивает своей картой. Автомат жужжит, трясётся и выплёвывает сначала пластиковый стакан, а затем изрыгает в него струйку напитка.

Видимо, не получив от меня похвалы или восторженных откликов, напарник добавляет:

— Слушай, я рассказываю тебе об этом лишь потому, что с тех пор, как это случилось, я на хорошем счету в СПУ. И вот потом появляешься ты. И я вызываюсь быть твоим напарником. Потому что знаю, сколько сил ты вложила в поиски того ублюдка… маньяка… ну, с которым вы потом оказались под землёй… или где там.

— В подвале, — говорю я приглушённым голосом. — Он держал меня… в подвале.

Корявчик качает головой, молча соболезнуя.

— Мне жаль, Поляна. Правда. Но я лишь говорю, что я на твоей стороне. И если эти идиоты в раздевалке обидели тебя, то нет необходимости наносить им увечья. Всё можно решить через меня, понимаешь? Я помогу, только скажи.

Автомат с кофе пиликает.

Корявчик забирает стакан, над которым поднимается пар, и передаёт мне. Стакан обжигает пальцы, держу его двумя руками, спрятав руки под рукава своей коричневой куртки.

— Ты просто боишься проблем. Избегаешь их. Так и признайся, Корявчик. Ты трус.

— Что? Я… Ох, ты невыносимая. Сегодня даже больше, чем обычно.

Он прав. Настроение у меня подпорчено.

Словно считывая моё состояние, он спрашивает, не связано ли это с предстоящей годовщиной эпидемии.

— По-твоему, в моей жизни осталось хоть что-то, не связанное с этой блядской болезнью?

Почему-то мои слова его забавляют. Наверное, та интонация, с которой я это произношу. Ворчливая, бубнящая бабка — вот кем я стала в свои тридцать пять.

Корявчик смеётся, упирает руки в бока, выпячивая небольшой, скрытый под рубашкой животик.

— Так где ты была этим утром? Выглядишь так, словно провела ночь на дне сточной канавы.

— Это недалеко от правды, если вдуматься. Вчера я была у Артура.

— Ох… — только и говорит Корявчик, вздыхая, пока я пью горький кофе.

Мы садимся на белый диван с потрескавшейся кожаной обивкой, расположенный у стены. Он жёсткий, а соотношение спинки и сиденья, расстояние между ними, не позволяет опереться. Приходится сидеть, выпрямив спину. Мышцы ноют, мне нужно лечь.

Нет, мне нужно работать.

— Понятно, что тебе непросто, когда близится такой день.

— Точно. — Я киваю, не глядя на него. Мои руки дрожат. — Это будет в субботу. Два года, как правительство не может ничего сделать. А теперь они ещё поддерживают право семей на эвтаназию. Что за бред!

— Это вынужденная мера, Поляна. Многие родственники сами выбирают… хм, усыпить своих близких. Их можно понять.

От слова «усыпить», которое произносят все, кому не лень, меня коробит. Я поёживаюсь, будто меня знобит, но в коридоре тепло.

В конце коридора мерно гудит кондиционер. Дверь в зал пресс-конференций открыта, виднеются пустые кресла, между которыми шастает грустная уборщица: подметает покрытые красным ковролином полы.

Из-за угла появляются сотрудники-девушки, одетые в строгие костюмы: белые блузки, чёрные пиджаки и юбки ниже колен. На ногах у них туфли-лодочки на низком каблуке. Я такой маскарад не терплю и на работе ношу штаны с курткой, футболку и ботинки.

Но сегодня можно походить и в гражданской одежде: сидеть в кабинете я не собираюсь.

Глядя на меня, девушки улыбаются, я киваю им в ответ, но когда они минуют нас, слышу, как они перешёптываются и смеются.

— Меня здесь не любят, я знаю, но мне всё равно.

— Не совсем так, — объясняет Корявчик. — Просто ты не скрываешь своего мнения насчёт того, что лекарство непременно существует, просто его от нас скрывают. И не все считают это… хм, объективным? Не знаю. Может, люди думают, что ты сторонница теории заговоров?

— Прошло два года, Корявчик! Лекарство… должно быть. Я знаю.

— Но откуда, Поляна? Скажи мне, и мы прижмём «Фармакологию Бардеса» вместе!

Я смотрю ему в глаза. Корявчик хороший мужик, без семьи и детей, преданный работе. Но я не могу доверить ему всего о себе.

А именно того, что сейчас я кое-кого допрашиваю на этот счёт.

Неофициально.

Я меняю тему.

— Нам нужно в информационный отдел. У тебя там есть друзья?

— Да, но как это связано с нашим расследованием?

— О некрофилах? Никак.

Он смеётся. Нет никакого дела о некрофилах, но для всех в СПУ, кроме нашего шефа, мы занимаемся именно расследованием похищений тел застывших. Это связано со случаем, произошедшим полгода назад. Двух молодых девушек, находящихся в коме с того же дня, что и мой муж, похитили из больницы. Пресса и блогеры узнали об этом раньше полиции: одна из медсестёр в свободное от работы время вела свой блог в Сети на тему тру-крайма. Она только пришла на дневную смену и увидела, что девушки пропали: постели не заправлены, а их нет. Не поговорив с ночной медсестрой, которая завалилась спать в ординаторской, она сняла свой репортаж из больницы, где заявила, что девушки пропали. Видео стало вирусным в Сети. Когда подключилась полиция, оказалось, что девушек забрали их родители, чтобы провести эвтаназию дома: всё оформили официально. Но с тех пор как в Сети, так и среди народа бытует мнение, что некоторых из застывших забирают то на органы, то для… скажем так… сомнительных утех. Эта тема настолько гнусная, что в неё никто и лезть не хочет — идеальное прикрытие.

Говоришь любопытному человеку, выпытывающему у тебя, что ты сейчас расследуешь, что занимаешься делом о некрофилах, и он сразу отваливается, как грязь и падаль — никто не желает ассоциироваться с теми, кому такое вообще интересно.

— Значит, это связано с нашим… настоящим делом? — подытоживает Корявчик, заинтересовываясь.

— Точно.

Я рассказываю ему про аварию, которую видела по дороге на работу. Объясняю свою теорию. Он выслушивает меня, потом кивает, но молчит.

— Ну так что, напарник, есть у тебя там знакомые в информационном отделе или просить шефа, чтобы он выбил нам пропуск?

— Допустим, да. Что надо?

— Посмотреть запись с камеры видеонаблюдения у торгового центра.

— Есть такой друг, идём.

Поднимаемся с дивана, я задерживаюсь, чтобы бросить недопитый кофе в пластиковую урну, внутри которой натянут чёрный целлофановый пакет, но не попадаю. Пакет в урне шуршит, кофе расплёскивается в разные стороны, попадая на диван. Пластиковый стакан крутится на полу, останавливается и остаётся лежать у стены. Над двупольными дверьми конференц-зала висят электронные часы, они показывают половину второго дня.

Следую за Корявчиком на второй этаж, поднимаемся по лестнице. Там пересекаем коридор и останавливаемся у кабинета в углу. Корявчик стучит в дверь. Ждём. Нам открывает низенький парень в круглых чёрных очках с сальными волосами, одетый в костюм не по размеру: он явно ему велик, хотя сам парень выглядит крупным.

— Как дела, Вонь-чи-вонь Пипетор?

— Лучше, чем у тебя, Корявчик. Впрочем, как всегда.

Парень пропускает нас, мы заходим в просторный, в разы больше нашего, кабинет. Через окна проникает яркий полуденный свет, подсвечивающий пыль на компьютерах: их тут столько, что и не сосчитать. У стен стоят высокие серверные шкафы. Техника гудит, работает кондиционер, но воздух спёртый.

— А ты кто такая, девочка? Из бухгалтерии? — спрашивает Вонь-чи-вонь Пипетор, разглядывая меня так, словно я голая. Теперь я жалею, что не переоделась в форму сотрудника. Он облизывается, не скрывая этого.

Отвечает Корявчик, разгуливая по кабинету и заглядывая в экраны работающих компьютеров, будто что-то понимает в этом.

— Это Поляна. И она только что сломала сержанту Столову лодыжку. Предположительно.

— Ох, ну… будем знакомы. — Он меняется в лице, пряча язык, и протягивает руку. Пожимаю её, рукопожатие у него крепкое. — Так что надо, ребята? Давайте быстрее, пока все мои подчинённые на собрании.

— А ты разве не должен быть с ними? — удивляется Корявчик.

— Ну и смысл мне тогда быть руководителем, если я не могу отправить кого-нибудь вместо себя?

Он смотрит на нас, уперев руки в бока и оттопырив распахнутый пиджак: вертит головой, не снимая тёмных очков.

Я сомневаюсь в этом парне. Подхожу к Корявчику и шепчу ему на ухо свой вопрос: можно ли доверять этому типу, не будет ли он болтать.

Вонь-чи-вонь Пипетор не скрывает своего недовольства тем, что я не доверяю ему. Не говорю вслух.

— Вас что-то смущает, девушка? — спрашивает он.

Корявчик обходит его, встаёт позади и кладёт руки ему на плечи, тот сбрасывает их. Нервный малый. Корявчик выше его на голову, хотя рост у него обычный: где-то метр восемьдесят пять сантиметров. Напарник чуть ниже моего мужа.

— Доверяй ему, как мне, — отвечает Корявчик, улыбаясь. — Он такой же разгильдяй, как и ты. Но, как и ты, он профессионал в своём деле.

— Говорите или проваливайте.

— Ладно, — соглашаюсь я. И объясняю ему, что мне нужно.

Он выслушивает меня внимательно. И спрашивает так, словно я впустую трачу его время:

— И всё? Ради этого вы пришли?

— Он издевается, да? — спрашиваю я в ответ у Корявчика.

— Нет, однозначно.

Вонь-чи-вонь Пипетор отталкивает нас, освобождая себе проход к компьютерам. Садится за один из них, что-то делает: щёлкает, печатает, открывает какие-то программы… я ничего в этом не понимаю и даже не вникаю в его работу.

— Я успею попить кофе? — спрашиваю я, направляясь к кофемашине. Но замираю на полпути, когда он рявкает, даже не поворачивая головы.

Нет. Не успею.

— Ты обидела его, — говорит Корявчик и улыбается.

— Откуда вы знакомы?

— Ходили по девочкам вместе, — отвечает Вонь-чи-вонь Пипетор, продолжая клацать по клавиатуре.

— Это он шутит так, конечно, — отвечает Корявчик, смущаясь. Потом смотрит на меня и говорит, виновато улыбаясь: — Это… неправда.

— Тогда расскажи ей, как ты напился в баре, а я скрутил тебя, точно мальца.

— Серьёзно? — удивляюсь я.

В моём представлении Корявчик, как никто другой, умеет постоять за себя, хотя в драке я его не припомню.

— Не совсем так, — отвечает напарник. — Это было давно. Я был пьян в хлам, признаюсь. Наш умник тогда работал в группе быстрого реагирования, которую вызвали, чтобы обуздать меня и ещё пару молодчиков из СПУ.

— Они устроили настоящий дебош. Хочешь верь, хочешь нет.

— Ладно, может, и так, — соглашается Корявчик, которому этот разговор явно не доставляет удовольствия. — Так мы познакомились, и я узнал, что Вонь-чи-вонь Пипетор вообще-то выпускник университета. Факультета… какого?

— Факультета автоматики и вычислительной техники.

В его голосе гордость. Я даже не знаю, что это за факультет такой.

Но зато я знаю одно охранное агентство, начальником которого работал муж моей сестры — до того, как открыл свой бизнес и разбогател. Возможно, Вонь-чи-вонь Пипетор и Крамм даже знакомы, пускай и заочно.

Корявчик объясняет:

— Вот я и пригласил его к нам. Вытащил из этого загибавшегося охранного агентства, где он работал. А теперь он, как видишь, начальник.

— То есть ты — должник Корявчика? — уточняю я.

— Хуй ему. Я и так спас твоему напарнику жизнь. Если бы в ту ночь в бар приехал не я, а кто-то другой, менее отзывчивый, его прибили бы на месте.

— Ну, скажешь тоже… — отнекивается Корявчик, но не продолжает.

Когда всё готово, а это не занимает и пяти минут, Вонь-чи-вонь Пипетор подзывает нас.

— Вот, смотрите. И проваливайте.

— Как гостеприимно, — говорю я, но нагибаюсь над ним, нависая над столом, и Вонь-чи-вонь Пипетор перестаёт бухтеть. Он обнюхивает меня, я удивляюсь, но ничего не говорю, борюсь с улыбкой. Корявчик смеётся.

На экране передо мной видео с камеры видеонаблюдения. Прямая трансляция. Врезавшиеся друг в друга машины отсутствуют, другие автомобили едут по кольцу в своём темпе. Поток движения слабый, транспорта мало. Но возле того места, где произошла авария, стоит другой фургон, тоже белый, как и тот, из которого выпали ампулы — но на этом нет опознавательных знаков. Двое людей в комбинезонах и масках: один пылесосит асфальт автомобильным пылесосом, ползая на коленях, пока другой обрызгивает какой-то жидкостью пропылесошенное место из шланга, прикреплённого к баллону — тот висит у него на спине.

— Это как понимать? — спрашивает Корявчик.

— Видимо, кто-то скрывает, что за лекарства были в том фургоне.

Вонь-чи-вонь Пипетор не обращает на нас никакого внимания, тыкает пальцем в телефоне, зевая, как скотина.

Открывает дверь, заходят гундосящие мужики в костюмах. Видят нас, затихают, улыбки слетают с их лиц. Кто-то из них знаком с Корявчиком, и они обмениваются рукопожатиями.

— Вам пора, Корявчик, — говорит Вонь-чи-вонь Пипетор.

— Спасибо за помощь, — отвечаю я, уходя.

— Ага. Заходи, если что. Заскучаешь если.

Выходя в коридор, напарник спрашивает, что дальше.

— По уму следовало бы доехать до места аварии. Собрать то, что разлилось из разбившихся ампул, в шприц и сдать на анализ. Но, кажется, эти типы не уйдут оттуда, пока всю влагу из асфальта не высосут.

— Или даже асфальт поменяют, — говорит Корявчик, шутя. Но мне это не кажется смешным. — Думаешь, в ампулах были вакцины?

— Боюсь, этого мы теперь никогда не узнаем. Если только…

— Что?

— Ты можешь найти больницу, в которую отвезли водителя фургона? Он был в синей униформе, и у него была рана на голове, без швов не обойтись.

— Могу, да. Хочешь допросить его?

— Лишним не будет.

— Тогда нужно действовать аккуратно, — напоминает Корявчик. — Чтобы эти учёные не поняли, что мы под них копаем.

Он достаёт телефон, делает пару звонков. Я жду его, куря электронку. В коридор выходит Вонь-чи-вонь Пипетор. Удивляется, что мы не ушли.

— Ждёшь меня, чтобы сопроводить до туалета? — спрашивает он, ухмыляясь. — Не стоит, правда.

— Не стОит или не стоИт? — отвечаю я, выделяя буквы и подмигивая ему.

Он секунду колеблется, а затем смеётся, качая указательным пальцем.

— Ты девка что надо, Поляна. С юмором у тебя всё хорошо.

Насвистывая мелодию себе под нос, он скрывается в дверях туалета.

Возвращается Корявчик, пряча телефон во внутренний карман пиджака.

— Ответ по водителю, в какой он больнице, будет, но позже.

— Кому звонил?

— Твоему другу. Капитану Шпроту.

Я морщусь.

— Ну вот кто тебя просил… — причитаю я, хотя понимаю, что если можно было бы сделать по-другому, то напарник сделал бы.

— Он передаёт привет. Тебе, разумеется. Ещё Шпрот сказал, что один из его парней сегодня отправился в травматологию. Знакомо звучит?

— Что? Тип из раздевалки… его… подчинённый?

— Видимо, — говорит Корявчик и пожимает плечами. Видя моё недоумение, добавляет: — А ты не знала, что Шпрот стал начальником?

— Нет. Я… не поддерживаю с ним… постоянную… связь.

— Понятно, — отвечает он, потирая нос. На меня не смотрит. — Из переговорщиков в руководители отдела по коммуникациям с общественностью. Канцелярская крыса теперь, считай.

— Он спросил, зачем тебе эта информация? О водителе фургона?

Напарник кривится, словно спрашивая: ты что, недооцениваешь мои умственные способности?

— Спрашиваешь! Это первое, что он спросил после того, как поинтересовался, в каком ты сегодня настроении… Кхе, ладно, прости. Я ответил ему, как мы всем говорим. Для расследования дела о некрофилах.

Мы смеёмся.

Со Шпротом у меня есть кое-какое прошлое. И не только связанное с работой, хотя мне довелось вести с ним одно дело, когда Корявчик болел: о нападении на тот самый торговый центр, который я сегодня проезжала.

Я шевелю мозгами, сегодня они соображают со скрипом.

— Так что там с мэром? Ты съездил к нему?

Корявчик удивляется.

— Что? Нет, конечно! Как бы я мог! Это ведь была твоя инициатива.

— Твою мать, да ты шутишь, да?

Я выхожу из себя, но быстро возвращаю самообладание.

Напарник выглядит виноватым, будто украл у меня надежду на будущее. Знает, как для меня была важна эта встреча.

— Поляна, может, оно и к лучшему, а? Наш шеф знать не знает, что ты собираешься наехать на мэра. А я сразу сказал тебе, что это плохая идея.

— Мне нужно поговорить с этим толстым мудаком. Попытаться отговорить его. Чтобы он запретил эвтаназию на местном уровне. В нашем городе.

Он не отступает, пытаясь переубедить меня.

— Шеф Бражунес организовал нам эту встречу лишь затем, чтобы мы успокоили мэра, что найдём тех засранцев, что расклеивают по городу порочащие его плакаты. Мы должны были явиться в девять утра в его офис, но тебя… не было. Я просто не мог поехать один, пойми! Мне ведь нечего ему сказать. Никаких улик по этому делу нет.

— Не согласна, — отвечаю я. — Кое-что у меня есть. Теперь.

Я думаю о словах Дениса, сказанных им утром: о его знакомых парнях, ответственных за эту серию проявлений вандализма.

— Ясно. Ну, прости, что всё сорвалось, вот только ты сама не приехала. Возможно, у нас получится назначить ему новую встречу? Скажем, в новом году?

— К тому времени люди отключат от аппаратов ИВЛ девяносто процентов всех пациентов. Нет. Нужно действовать сейчас.

— Мне нравится твой настрой, но вот твой тон… как у маньяка… внушает опасения. Ты точно в порядке?

В голосе напарника сожаление, никакого раздражения.

— Мы едем к мэру сейчас. Я знаю ресторан, где он обедает.

— Ох, нет, Поляна. Нет-нет. Мы не можем вот так взять и заявиться.

— Хм, и кто же нас остановит?

Корявчик смотрит на меня как на полоумную. Но что он может сделать?

5. Диалоги с мужчинами

Корявчик за рулём чёрной, как у меня, «Лады Гранты», его служебного автомобиля. Я говорю ему, что нам нужно заехать к Брому. Объясняю напарнику, кто это.

Он спрашивает, зачем это, и я отвечаю, что хочу припугнуть мудака.

— А это зачем? — повторяет Корявчик, управляя машиной и следя за полупустой дорогой.

— Чтобы не расслаблялся, — объясняю я. — А ещё нам ведь нужно создавать видимость, что мы расследуем дело о некрофилах, верно? А где их искать, если не в похоронном бюро?

— Значит, хочешь заставить его попотеть?

— Не сильно, но да.

Здание «РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ БРОМА» располагается в центре города, что раньше, до эпидемии, выглядело бы неприемлемо, но не теперь, когда нравы изменились: людей устраивает, что у них есть возможность усыпить своих близких за пять минут.

Выходя из машины, я хватаю первую же попавшуюся папку с заднего сиденья, заглядываю внутрь: отчёт о нашей проделанной работе за лето и начало осени. Десять страниц, все пустые. Имеется лишь фраза на первой странице, выполненная размашистым почерком: ВЕДЁТСЯ СЛЕДСТВИЕ.

Я вздыхаю.

— Только не говори, что ты ждал, пока я заполню эту ерунду! Ты же знаешь, как я не люблю всю эту отчётность.

— Правда? А та гора бумаг, что скопилась у тебя на столе в кабинете, говорит об обратном! Нет, эта папка уже от шефа. Проверенная, если так можно сказать.

— Пустой отчёт? Не поняла.

Обычно мы передаём заполненные бумаги по работе его секретарю, Соне, а она доводит их содержимое до сведения шефа Бражунеса. Но чтобы нам возвращали пустые отчёты — такого я не припомню.

— Я тоже. Я заполнил отчёт, от нас обоих, и оставил его на столе в приёмной. Потом вспомнил, что забыл указать кое-какие нестыковки, по мелочи, вернулся, чтобы забрать, а отчёт так и лежал на столе. Сони не было, и я решил, что шеф не успел ознакомиться с бумагами. Но когда заглянул, то сам удивился. Он не только посмотрел, но и заменил страницы. С исписанных на чистые и пустые. Только вот эту ерунду приписал.

— Странно это. Не спрашивал его, что это значит?

— Обычная путаница, такое бывает, — отвечает Корявчик, забирая у меня папку с пустыми листами.

Внутри фирмы пахнет елью или ёлкой, стоят выставочные образцы гробов всех пород древесины: дуб, сосна, ясень и прочие. Открытые, с атласными подушками внутри. Вдоль стены под окнами покоятся венки. Суетятся сотрудники, одетые в чёрное. Останавливаю одного из них, юнца с веснушками, и спрашиваю, где шеф фирмы — Бром.

Он говорит, что шеф находится в производственном цехе, указывает на заднюю часть здания и ретируется от нас подальше, делая вид, что занят работой.

Проходя мимо сотрудника выставочного зала, одетого в траурный костюм и консультирующего плачущую женщину в шляпе, показываем ему свои документы, удостоверения СПУ, и он отваливает от нас.

Пройдя через тёмный коридор с кирпичными стенами, оказываемся в шумном и пыльном цехе, где жужжат, врезаясь в камень, фрезерные центры — бьют гравировку на памятниках — а также разные станки, на которых сотрудники, человек пятнадцать, не меньше, одетые в серую одинаковую рабочую форму, куртки и штаны, пилят, строгают, шлифуют то, из чего

позже соберут гробы и кресты. Проходим дальше и упираемся в закуток между стен, где на длинном столе грузные тучные женщины, одетые в синие халаты, плетут венки.

Бром, недовольный, спорит о чём-то с мужчиной, одетым, как и другие работники: он выше и толще моего соседа и выглядит вполне способным навалять ему на раз-два. При виде нас Бром замолкает, бледнеет.

— Специальное Преступное Управление, — говорит Корявчик, не доставая документы. — Агент Корявчик. А это капитан Коваль.

— Да, я… она… мы… знакомые… соседи мы, в общем, — блеет Бром. Он прокашливается, прогоняет своего работника — тот уходит, довольный тем, что у шефа проблемы.

Корявчик открывает папку с пустым отчётом так, что Бром не может разглядеть содержимое: смотрит то в листы, то на Брома. Щурится, словно с чем-то сверяется. Профессионал, что сказать.

— Что… я… чем могу помочь… вам?

— Да так, проверяем кое-что, — говорю я, осматриваясь, пока Корявчик, не выпуская из рук папку, заглядывает под стол. Женщины, плетущие венки, косятся на него, но работать не прекращают. — Как работается?

Напарник обращается к женщинам, но Бром вмешивается в разговор.

— Спокойно. Регулярно, — отвечает Бром, стараясь сохранить контроль, но у него не выходит. Он уже потеет, стоя под свисающей с потолка лампой, и едва не плавится. — Вы, собственно, по какому делу?

— А вам есть что скрывать? — спрашивает Корявчик, не отводя от него взгляда.

— Да нет, у меня всё законно. Люди трудоустроены. Налоги выплачиваются. Смотрите, пожалуйста.

Смотря в папку, Корявчик, у которого всегда лучше, чем у меня, получается допрашивать свидетелей и подозреваемых, задаёт Брому кучу вопросов. Сколько людей у него работают? Как давно? Какой у фирмы объём выпускаемой продукции? Есть ли у них морг? А морозильные камеры для трупов? Целый град вопросов, каждый из которых заставляет Брома потеть ещё сильнее и съёживаться у нас на глазах.

Но Бром отвечает ему: сначала на один вопрос, потом на другой — словно диктует заученный текст. Корявчик хмыкает.

Меня это не впечатляет: Бром — трусливый похоронный задрот или истинный фанат своего дела?

Наступает пауза. Корявчик улыбается, передаёт папку мне, я тоже заглядываю в неё для вида. Качаю головой, чтобы привлечь внимание Брома.

— Что там такое, Поляна… простите, капитан Коваль? — спрашивает он, едва не писаясь под себя.

— Кое-что, — говорю я как можно отстранённее, глядя на пустой лист и пряча улыбку за папкой.

— Может, вам будет удобнее пройти в мой кабинет? — предлагает Бром, скуля, вытирая лоб ладонью. — Там не так жарко, не так шумно…

— Что у нас дальше по плану, напарник?

— Встреча с мэром.

— Нехорошо заставлять мэра ждать, — говорю я, качая головой.

— И то верно. Но как же этот уважаемый? — Он кивает на Брома. И тычет пальцем в папку у меня в руках. — Как же документы по нашему делу?

Я напускаю на себя прискорбный вид.

— Боюсь, придётся отложить допрос Брома на другой день.

— Что? Допрос? Какой! — взмаливается мой сосед.

Мы игнорируем его.

— Согласен, отложим это… до другого визита, — отвечает Корявчик.

Это не обнадёживает Брома, он выдыхает со свистом.

Корявчик смотрит на меня, словно всё зависит от меня.

— Неужели мы даже не успеем переговорить с сотрудниками, напарница?

— Не знаю, напарник. У нас много дел сегодня.

Мы смотрим на Брома, он бледный, как рыбье брюхо.

— Ну так как у вас дела? — снова спрашивает Корявчик у одной из женщин, вставляющей ветки в венок.

Бром молчит, не встревает. Растерянная женщина отвечает:

— У меня-то? Всё хорошо, спасибо. А у вас?

Мы смотрим на неё как на дуру. Меня распирает смех, но я держусь.

— Тогда до скорого, Бром, — говорю я, глядя ему в глаза.

— Вы это… Обращайтесь, если что.

Уже уходя, мы разворачиваемся и смотрим на него.

Бром шевелит губами, жалея, что открыл рот, но молчит.

— У нас, слава богу, пока все живы, — отвечает напарник. — Или это была вялая попытка подкупить сотрудников СПУ?

Всё, Корявчик вошёл во вкус.

— И чем же, напарник? Бесплатными ритуальными услугами?

— Выглядит именно так, капитан Коваль. Вам не кажется?

Глаза Корявчика блестят, в них читается гнев, пускай и напускной, но он настораживает даже меня.

— Не думаю, что Бром понимает, что говорит. Он лишь предложил нам… помощь?

Я смотрю на Брома, подгоняя его рукой, мол: вот он твой шанс, не молчи, придурок!

— Да, да. Я… не то имел в виду. Ну… вы… я… Простите, если обидел, но…

— Идём, — говорю я, уводя отыгрывающего как бог свою роль Корявчика, тяну его за рукав пиджака в сторону выхода.

Напоследок я смотрю на Брома с сочувствием: он совсем размяк, стоит и трёт побелевшее лицо руками. Или рыдает беззвучно? Женщины бросают венки и спешат к нему, чтобы посочувствовать.

Уже из-за угла слышу, как он рявкает на них:

— Не знаю! Как и вы, я ничего… не знаю!

Сработало. Я довела ублюдка до истерики.

Добираемся до машины, я кидаю папку обратно на заднее сиденье. Хохочу, перечисляя то, как потел и мялся Бром. Корявчик, улыбаясь, кивает.

От фирмы Брома до ресторана «Фальш и Фарш» мы доезжаем за двадцать минут. Пробок нет, движение на дороге вялое. Глядя на пешеходов на тротуаре, шагающих кто в куртках, кто в шортах, я тянусь за электронной сигаретой, но вспоминаю, что она разрядилась. Убираю дудку обратно в рюкзачок и просто дышу свежим воздухом. В нос ударяет запах преющей листвы и выхлопных газов от грузовика, едущего перед нами: из трубы валит столб курчавого дыма. Уши закладывает, когда «Гранта» набирает скорость, чтобы обогнать грузовик. Вижу на крытом белом кузове эмблему популярного маркетплейса. Люди застыли, как и экономика. Но желание тратить деньги на всякое барахло не заморозить.

За два года количество автомобилистов на дорогах снизилось. А вместе с ними и уровень загрязнения воздуха. Авария, свидетелем которой я была сегодня, исключение. Заторы случаются, и разбираются с ними теперь дольше, чем прежде: число полицейских уменьшилось, как и сотрудников любых других служб. Как и показатели рождаемости за последние два года: они тоже упали. Эти мысли меня не трогают, так как в нашей семье детей хотел Артур, а не я.

Но если бы он очнулся уже сегодня, то по первому его зову я родила бы ему столько детей, сколько смогла бы.

Я дышу, высунув голову в открытое окно, как собака. Состояние моё после прошлой ночи можно описать как полумёртвое. Хочется пить, после кофе меня мучает изжога. Я нахожу в машине полупустую пластиковую бутылку воды, открываю крышку, нюхаю. Вода нагрелась за время, что бутылка провела в машине под солнцем, и теперь пахнет, как песок у реки.

Обхватываю горлышко губами и присасываюсь к ней. Когда заканчиваю, сминаю пустую бутылку и бросаю на заднее сиденье.

— У тебя тут и так срач, — аргументирую я своё наплевательское отношение к чистоте в его машине.

— А кто его, по-твоему, разводит? Точно не я!

Корявчик ведёт машину, щурясь: солнце светит нам в лицо. Я предлагаю ему свои солнцезащитные очки как временное решение, но он отказывается. Гордый, внимательный водитель. Для всякой недалёкой сельчанки или закомплексованной студентки Корявчик однозначно мечта, просто жених, но это пока не узнаешь, какие тараканы ебутся у него в черепе.

В салоне машины пахнет пластиком и затхлостью, но запах медленно выветривается по мере того, как мы продвигаемся по послеобеденному, пустующему городу. На многих магазинах и кафе висят таблички «НЕ РАБОТАЕТ» и «ЗАКРЫТО». Они так и не оправились после начала эпидемии. Застыли либо владельцы, либо персонал. В мебельной фирме, где работал мой муж, из семидесяти пяти сотрудников впали в кому сорок два человека, включая владельца и его сына — будущего наследника бизнеса.

Я рыгаю, прикрывая рот рукой, но выходит громче, чем хотелось бы.

— Вижу, тебе совсем хреново.

— Угу, — отвечаю я, борясь с новой отрыжкой.

— Так почему ты не в форме СПУ, Поляна?

— Не знала, что ты у нас отвечаешь за дресс-код.

Он не унимается. У самого никакой личной жизни нет, вот он и лезет.

— Осталась у какого-то парня, да-а-а?

Он тянет это «да» так, словно ему на горло наступили.

— Это не смешно, — отвечаю я. — Скажи спасибо, что у меня пистолета нет. А то… сам… понимаешь.

Складываю пальцы, имитируя ствол, подношу к его виску и, дёргая рукой, шепчу: бах-бах!

Наша «Гранта» обгоняет шестнадцатиколёсную фуру с надписью «Фармакология Бардеса» на боку.

— Что там с водителем фургона? Узнал, в какой он больнице?

— Шпрот молчит, — отвечает он, проверяя телефон. — Значит, ничего. Ждём.

Провожаю фуру взглядом, когда машину подкидывает: мы въезжаем на бетонный мост над железнодорожными путями. Над мостом висит гигантский транспарант с тем же лозунгом против мэра и призывом вернуть больницам финансирование. Он раздувается на ветру, как трусы-парашюты на бельевой верёвке. Корявчик сильнее сжимает руль, я держусь рукой за приборную панель. Вода у меня в животе булькает, а на горизонте показывается вывеска ресторана.

Я отстёгиваю ремень безопасности, готовясь выскочить из машины, как только мы заедем на парковку ресторана. Но «Гранта» тормозит на обочине, позади другой припаркованной машины, поодаль от входа.

Корявчик останавливает меня жестом руки.

— Ты точно хочешь этого? — спрашивает он. В его глазах я замечаю тревогу. — Подумай хорошенько, Поляна. Ну вот что ты ему скажешь, а? Он ведь мэр!

— Сначала я спрошу, как ему спится с мыслью, что жители города массово отключают своих близких от ИВЛ, убивают их, так как у них нет денег на дальнейшее поддержание жизни застывших. Потом я спрошу, не желает ли он выделить часть средств из бюджета на оказание поддержки семьям, пострадавшим от эпидемии. После чего, наверное, плюну ему в суп, и на том мы распрощаемся.

— Это хреновый план. Он даже слушать тебя не станет. Сразу запросит охрану ресторана вывести тебя прочь.

— Тогда, чтобы не терять времени, я начну с главного вопроса. Почему он не требует у компании «Фармакология Бардеса» обнародовать результаты их двухлетних исследований. Почему все вакцины, которые они пробуют на моём муже, не работают. Сколько нам ещё ждать лекарства, которое, как я уверена, УЖЕ ИМЕЕТСЯ! Пожалуй, этого будет достаточно для начала.

Не дожидаясь ответа напарника, я выхожу из машины, пересекаю проезжую часть в неположенном месте, но это не доставляет проблем: машин нет, хоть танцуй на дороге. Однажды мы шли с Артуром из бара домой и попали под ливень, это было ранним утром. Вместо того, чтобы переждать дождь или вызвать такси, Артур потянул меня за собой на пустую проезжую часть, и мы танцевали, прыгая в луже, смеясь и обнимаясь.

У ресторана Корявчик догоняет меня и, переходя на шаг, молча сопровождает до главного входа. Ветер, играясь, гоняет сухие листья, ветки и мелкие камешки между собранными в кучу, но так и не убранными в помещение столами и стульями на крытой летней террасе. Несколько автомобилей покидают парковку, следуя друг за другом к узкому выезду на дорогу.

Заходя в ресторан, я вижу, как от стойки администратора отделяется и направляется ко мне полусонная хостес. С собранными в пучок волосами и одетая в длинную юбку-карандаш, белую блузку, на каблуках девушка улыбается, прижимая к отсутствующей груди планшет. Вполне сошла бы за одну из сотрудниц СПУ.

С дежурной улыбкой на лице она спрашивает, на какое имя мы зарезервировали столик, и уже тянется к планшету, чтобы свериться со списком, но я велю ей отвалить и прохожу в обеденный зал. Там я останавливаюсь, замирая в дверях, осматриваюсь и нахожу мэра. Низкого и упитанного мужчину с красным лицом. Сгорбившись над тарелкой, он поглощает рыбу, сидя в дальнем углу просторного и светлого зала за круглым столом, покрытым белой скатертью. Рядом с ним окно, вид открывается на маленький садик, расположенный на заднем дворе ресторана. Виднеются скамейки на выложенном брусчаткой пятачке, а в центре небольшой прудик с работающим фонтаном, а за ним клумбы с цветами.

Корявчик что-то бормочет за моей спиной, оправдываясь перед хостес, которая грозится вызвать охрану, но вот я оборачиваюсь и тычу ей в лицо удостоверением СПУ — верный способ заткнуть любого в наше время. Я совру, если скажу, что мне не нравится такой блат.

— Значит, вы из этих… — говорит хостес, но замолкает, когда я смотрю на неё чуть пристальнее.

— Что вы имеете в виду? — спрашиваю я, будто не знаю, что она сейчас скажет.

— Ну… из тех, кому… всё… можно?

Это звучит как вопрос, я хмурюсь, и она наконец отступает.

Корявчик прикладывает ладонь ко лбу, краснея и смотря по сторонам. Будь у него возможность, он с радостью сделал бы вид, что он не со мной, но сам он, одетый в этот уродский чёрный костюм, выглядит как типичный сотрудник нашего управления — ходячий стереотип.

Обеденный зал полупустой, играет приглушённая музыка, между столиками курсируют всего два официанта с подносами. Когда я пересекаю зал, один из официантов, идущий мне навстречу, отскакивает — я не сворачиваю. Он роняет поднос с тарелками на пол: они бьются, звенят, а еда разлетается по полу. Посетители оборачиваются на шум, я останавливаюсь у стола, за которым обедает мэр, и вот на меня уже смотрят все люди в зале.

Все, кроме мэра.

Он не поднимает головы, но перестаёт ковыряться вилкой в рыбе, баклажанах и перцах в тарелке. Потом говорит тихим, но властным голосом:

— Я ждал вас в своём офисе в девять утра, капитан Коваль. Вы не явились.

— Да… господин мэр, я была со своим мужем, в больнице. Вы ведь знаете, что он… как и мои родители…

— Мне известна ваша ситуация.

— Значит, вы поможете мне?

Я сама удивляюсь тому, как наивно звучат мои слова. Под мышками и под коленями начинает собираться пот. Сосредотачиваюсь на дыхании, чтобы успокоиться.

— Мы… я и ваш шеф… играем в большой теннис по средам. Вы знали?

— Нет, откуда мне знать такое!

Ещё как знаю, толстый напыщенный убийца.

Услышала от секретаря шефа, Сони, когда выпивала с ней в баре «Гуталинка» после работы. Хотя обычно я предпочитаю выпивать в центре города.

Соне известно о жизни шефа чуть больше, чем следует обычному секретарю, и после четырёх бокалов белого сухого вина она расписала шефа Бражунеса как самого распрекрасного мужчину на свете. Иногда девушку достаточно лишь напоить, чтобы она расчирикалась.

Тогда-то она и сказала мне, что шеф Бражунес дружит с мэром. Поэтому для шефа принципиально важно, чтобы мы помогли мэру разобраться с этими надоедливыми вандалами, клеящими повсюду листовки, подрывающие его авторитет.

В первую же среду после этого, когда шеф покинул свой кабинет, я проследила за ним до теннисного корта, а оттуда до этого ресторана.

Такие большие и важные люди, как мэр, предпочитают обедать в одно и то же время в одном и том же месте. Привычки — вот ключ к поимке злодея, это я усвоила за время работы опером в полиции.

Мэр шмыгает носом, вытирает рот салфеткой, которую после этого сразу же сжимает пухлыми пальцами, пряча в кулаке, как фокусник.

— Мы знакомы с вашим шефом с университета. Так вот, ваш шеф заверил меня, что вы смышлённая… хм, девушка. И у вас есть соображения насчёт того, как улучшить настроение людей в городе. Понимаете, о чём я?

— Конечно, господин мэр.

Я не собираюсь рассказывать ему весь тот бред, что наплела шефу Бражунесу, когда уговаривала его устроить мне встречу с мэром. Ничего особенного на самом-то деле. Но шеф оценил мой энтузиазм и рвение помочь его другу.

В разговоре с шефом речь шла о том, чтобы вычислить вандалов и, насобирав достаточно доказательств, отправить протестующих под суд. Убрать их с улиц, подальше от законопослушных граждан, как сказали бы мои бывшие коллеги в полиции.

Но теперь я знаю, с чего начать, чтобы найти вандалов. Точнее — с кого. С Дениса. И это придаёт мне уверенности.

У меня есть информация, и теперь мои попытки вразумить мэра, убедить его отозвать право на эвтаназию, не будут выглядеть как просьба отчаявшейся, без пяти минут вдовы.

Значит, не зря переспала с Денисом.

Не дожидаясь приглашения, я хватаюсь за спинку стула, отодвигаю его — тот скребёт по полу — и сажусь за стол. Мэр ухмыляется и смотрит на меня маленькими зелёными глазками. В них читается насмешка.

— Ну что же, раз вы здесь… — говорит он, озираясь по сторонам. — Я слушаю, но учтите, что мой обед почти закончился. Изложите кратко ваше предложение.

Я выпаливаю на одном дыхании, не давая ему вставить ни слова:

— Моя позиция проста, господин мэр. Мне кажется, что всем было бы лучше, если бы вы выделили хоть сколько-нибудь денег из бюджета города на помощь больным. Например, в той больнице, куда в самом начале привезли моих родителей, некоторые пациенты лежали на каталках в коридорах. И они провели там недели, пока вы не дали указание разгрузить те больницы, какие можно было, чтобы освободить целые этажи под застывших. Тогда вы были героем, но что же теперь? На своей последней пресс-конференции вы открыто призвали людей усыплять своих родных и любимых, сказали, что ждать дальше нечего. И это вместо того, чтобы выделить хоть немного денег на помощь нуждающимся!

— Вы на чьей стороне, капитан Коваль? — Это простой вопрос, но он произносит его с таким гонором, словно швыряет в меня презерватив, наполненный мочой.

— Это ведь ваши слова, я ничего не путаю? — не унимаюсь я. Отступать не по мне.

Мэр смотрит на меня, но не видит. Смотрит сквозь меня. Глаза не моргают, сужаются до щёлочек — хоть монетки в них просовывай. Срастающиеся на переносице брови хмурятся. Он бьёт мясистым кулаком по столу, тарелка с объедками еды подпрыгивает. Вилка падает под стол и звякает. Я снова приковываю внимание официантов и посетителей.

Ловлю взгляд Корявчика, который стоит возле стойки администратора, рядом с хостес. Он держится от меня на расстоянии, и это верное решение, я не виню его.

Давление нарастает, мэр краснеет.

— Ну, раз вы молчите, я перейду сразу к своему предложению, господин мэр, а именно…

И тогда он вываливает на меня тонну словесного говна, переходя на «ты», словно мы друзья, блядь:

— Да как ты смеешь меня упрекать, девчонка! Я выбранный людьми представитель власти. И моя задача — заботиться об их благе! Все решения, которые я принимаю, идут от холодного ума и горячего сердца, а не наоборот. Если мы и дальше продолжим ждать, пока на наши головы свалится чудо-вакцина, то уже через год нам нечем будет платить врачам и учителям, ещё через год полиции и пожарным. И это лишь начало! Ты, разумеется, думаешь, что раз я у руля власти, то и деньги я печатаю. А вот и нет, ничего подобного! Все средства идут из федерального бюджета и денег налогоплательщиков. Население всего мира УМЕНЬШИЛОСЬ на десятую часть, демография падает. Люди предпочитают тратить последние свои деньги на заботу и поддержание жизни тех членов своих семей, кто заболел. Они больше не ходят по магазинам, не посещают кино и рестораны. Доходы малого бизнеса упали до рекордного нуля. У нас кризис. Как в стране, так и в мире! А ты предлагаешь… что именно? Сказать людям, что всё будет хорошо, что я найду деньги для их семей? Я не могу этого сделать, потому что это не так. Хорошо уже никогда не будет!

Мэр кричит на меня, брызжа слюной. Если я что и умею, так это выводить людей из себя. Это не мои слова, это слова моего мужа. Он повторял их неоднократно, но всегда в шутку.

Сейчас трудно вспомнить, по какому именно поводу он сказал мне это впервые: с Артуром мы не ругались от слова совсем. Мы — родственные души.

Я делаю ответный выпад — не на ту напал, чучело в костюме:

— Удивительно слушать это от человека, который каждый день тратит на обед столько денег, сколько я отдаю за день содержания моего мужа в больнице.

Это не совсем так, но я должна произвести на него должный эффект. На самом деле половину моих расходов на поддержание жизни Артура компенсирует СПУ. Это одна из двух причин, почему я перевелась к ним из полиции сразу после начала эпидемии. Другая причина: Сонный Паралич, маньяк и убийца, похитивший меня и удерживавший двое суток в подвале котельной.

К нам подходит хостес, спрашивает у мэра, всё ли хорошо.

— Я разочарован, — отвечает мэр, поднимаясь из-за стола, бросая скомканную салфетку на тарелку. Мэр говорит со мной, а не с хостес. — Ваш шеф непременно узнает, какую игру вы ведёте.

— Хотите, мы скажем охране, чтобы её вывели? — спрашивает хостес в попытке угодить этому мудаку, не понимая, что при желании я могу отправить её в тюрьму уже сегодня… за что угодно. Достаточно составить дело, а наше управление это умеет. В отличие от полиции, мы не передаём обвинительное заключение в прокуратуру, не ждём его утверждения и дальнейшей передачи дела в суд. У нас есть право проводить свои закрытые слушания с любыми из граждан, которых мы считаем угрозой обществу.

У нас суд вершит Трибунал, состоящий из постоянного Судьи и двух заменяемых помощников. Кто они такие, никто не знает: на суде все трое сидят перед тобой в масках с крючковатыми носами, одетые в красные накидки. Чтобы ты ни за что и никогда не узнал их.

Мэр отмахивается от хостес в попытке хоть как-то сохранить контроль над ситуацией. Он застёгивает пуговицу на синем пиджаке, но не успевает сделать и шагу, когда я встаю и хватаю его за рукав.

Он не верит своим глазам, они округляются. Мэр дёргает рукой в попытке избавиться от меня, но я вцепилась в него намертво.

Я тянусь к его толстой, состоящей из колышущихся складок красной шее. От мэра пахнет жимолостью и кунжутным маслом. Я шепчу ему на ухо, видя завитки седых волос, торчащие из его ушной раковины:

— Сделайте это, найдите финансирование, убедите людей не убивать своих близких… наложите вето на эвтаназию на местном уровне, у вас есть такое право, я знаю… дайте больницам приказ не убеждать родных избавляться от своих пациентов… и тогда я помогу вам с этими… ебучими… плакатами и баннерами… я сделаю так, что вы ни одного такого больше не увидите по дороге из своего загородного дома в офис… по дороге в этот обдроченный богатеями ресторан… даю вам слово, господин мэр, а оно дорого стоит.

Я киваю, глядя в его зелёные широко распахнутые глаза. Потом отпускаю его и выхожу во внутренний двор ресторана. Там прохожу мимо журчащего фонтанчика, огибаю декоративный забор, петляю в узких улочках между жилыми домами, едва не спотыкаюсь о прячущегося в мусоре за пекарней кота: он мяукает, подмигивая одним глазом, на другом катаракта. Я сворачиваю на другую улицу, за угол, и нахожу табачную лавку.

Внутри пахнет чем-то сладким, почти приторным. От этого запаха у меня снова появляется позыв к рвоте, в глазах двоится. Я наспех выбираю новую электронную сигарету, отмахиваясь от предложений продавца-юнца с прыщами на щеках. Проверяю заряд на новой электронке, оплачиваю картой, которую достаю из рюкзачка, и выхожу под дребезжащий звук колокольчика над хлопающей дверью. После этого, вдыхая-выдыхая пар, не торопясь прогуливаюсь по тротуару и возвращаюсь на парковку ресторана.

Корявчик ждёт меня у машины, сидит на капоте. Руки сложены на груди, тычет большим пальцем с коротким ногтем в телефон. При виде меня убирает телефон во внутренний карман пиджака.

— Шпрот ответил, — говорит напарник. И, судя по его выражению лица, хороших новостей нет. — Водитель фургона в больницу не поступал.

— То есть что получается, он ходит с пробитой головой?

— Вряд ли. Компания Бардеса наверняка забрала его к себе в исследовательский центр. У них там куча медицинского оборудования. Смысл ехать в больницу?

— Не поспоришь. Этого следовало ожидать. Чёрт! Сначала они вытирают досуха место аварии. Теперь прячут водителя. По-твоему, это похоже на совпадение?

— Нет, не похоже. Но это тупик, Поляна. След завёл в никуда. Нужно искать другие пути. Ты ведь ездила к ним на днях? В лабораторию?

— Да, ездила, но там ничего. Они не пропустили меня.

Я отвечаю уклончиво, но исчерпывающе, чтобы он не развивал эту тему. Но Корявчик хороший агент, дотошный и готовый на всё, как и я, чтобы докопаться до правды.

— Что? А шефу ты сказала?

Я молчу.

— Поляна? Что ты скрываешь? — Голос у него подозрительный.

Он уже смотрит на меня так, словно пытается разглядеть мои внутренности.

— Ладно, ох… Они… не совсем меня… не впустили.

— Это как?

Он выглядит заинтригованным.

— Они выгнали меня, понятно? Когда я начала задавать неудобные вопросы…

Он хватается за голову.

— Ты… что? Поляна! Это ведь ставит под угрозу всё наше расследование! Неудивительно, что они теперь подчищают за собой. Настолько, что даже не оставляют нам шанса допросить потенциального свидетеля.

Я отбиваюсь от его вполне оправданного нападения:

— Можно запросить адрес этого водителя фургона. Не всё потеряно, напарник! Позвони Шпроту, пускай узнает, где живёт этот тип…

— Да не будет от этого никакого толка! Как ты не понимаешь? Этого парня, водителя фургона, наверняка теперь не выпустят с территории исследовательского центра. Его спрячут или уволят и того хуже… убьют? Кто знает, на что готовы эти учёные, чтобы скрыть правду о лекарстве. И всё из-за того, что ты не сдержалась, когда у тебя был шанс проникнуть на их территорию и всё изучить.

— Не поверишь, но там не на что смотреть, в этой лаборатории.

Корявчик закатывает глаза. Он прав, я всё испортила.

Но у меня всё ещё есть один козырь. Это поможет всё исправить.

— Ладно, я довольна собой, ты это хотел услышать? — отвечаю я, не переставая курить, выдыхая пар ему в лицо.

— Ну и получишь ты за это от шефа, — вот всё, что он говорит.

— Мне не впервой.

— Тебя поэтому выгнали из полиции?

Только я начинаю протестовать, мол, никто меня не выгонял, я сама ушла, как он отмахивается от меня, причитая: да-да, конечно, рассказывай.

Корявчик смягчается. В отличие от меня, он не умеет копить гнев и злобу.

— Ты ведь знаешь, Поляна, что можешь рассказать мне. Всё что угодно.

— Знаю. Но не хочу.

— Ладно, — отвечает он, садясь за руль и заводя двигатель. — Куда теперь?

— Ты обратно. На работу. А мне нужно заглянуть в одно место.

— У нас вообще-то дело, не забыла? Мы и так целый день потеряли из-за тебя.

— Не страшно. Завтра продолжим. Скажи шефу, что я ушла к мужу.

— Не думаю, что в этот раз такое сработает. Слишком много раз ты уже так говорила.

— В странное время мы живём, да, Корявчик? Есть закон, разрешающий убивать своих больных близких. Но нет закона, запрещающего с ними видеться.

Дожидаюсь, пока мимо проедет колонна мотоциклистов. Насчитываю двенадцать человек, не считая пассажиров: девушек в коротких юбках и кожаных шортах, открывающих их татуированные ноги. Но они тормозят на красном сигнале светофора, дребезжа оглушительными моторами. Я перехожу дорогу, глядя по сторонам, и пробираюсь через колонну парней в кожаных куртках. Они свистят мне, смеются.

Я оборачиваюсь и вижу, что один из них, одетый в красную бандану, оставляет свой мотоцикл посреди полосы. Он достаёт из сумки с ремешком отпечатанный на принтере листок бумаги и строительный степлер. Таким мой муж обтягивал диваны на производстве мебели, где работал до эпидемии, и однажды пригвоздил себе палец: пришлось везти его в травматологию — это был единственный раз, когда Артур взял больничный на работе за все три года нашего брака. Он вообще никогда не болел, и оттого невыносимее осознавать, что его свалила болезнь Паузеста.

Парень в бандане подходит к столбу линии электропередач и прибивает к нему лист на уровне своего лица. Сигнал светофора сменяется зелёным, но другие мотоциклисты стоят — ждут, пока их друг закончит.

Вот они — вандалы.

Я наблюдаю за ними со стороны, стоя на тротуаре. Но никто не обращает на меня внимания: я в гражданской одежде.

Либо они намеренно привлекают к себе внимание, не шифруясь.

Либо они настолько охуевшие, что уже ничего не боятся.

После этого парень в красной бандане как ни в чём не бывало садится на свой мотоцикл, и тогда все уезжают: мотоциклы рычат, выпуская столбы дыма в небо.

Проходя мимо столба, я читаю текст, отпечатанный на прибитом листе и сделанный большими буквами, — всё тот же лозунг. Долой мэра и так далее.

Смотрю им вслед, но мотоциклисты уже уехали на приличное расстояние, превратившись в точки на оранжевом горизонте, и теперь лениво ползут в гору. Я оборачиваюсь и вижу, что Корявчик наблюдает за мной, свесив руку из открытого окна «Гранты» — стучит пальцами по водительской двери.

— Это они? — кричит он мне через улицу.

— Да, — отвечаю я. — Они самые. Проследишь за ними?

— Ладно, а ты не поедешь?

— Нет. Завтра всё обсудим.

— Как знаешь. Не пей много, ладно?

— Не буду, — вру я.

«Гранта» срывается с места вслед за мотоциклистами.

А у меня есть дела поважнее недовольного вандалами мэра.

6. Пленник в подвале

В полуразваленное помещение заброшенной котельной на окраине города я приезжаю на своей служебной машине. Предварительно мне приходится добраться до бара «Компост», чтобы забрать «Ладу Гранту», криво припаркованную у главного входа. Прошлым вечером, после посещения больницы, я была не в духе и заехала на поребрик у дверей бара. Либо есть другой вариант: уже ночью, пьяная, я пыталась выехать на машине. Узнать наверняка невозможно. Разве что спросить у сотрудников… или у того парня, с которым я отсюда уезжала. Дениса.

Мысленно молюсь, чтобы он свалил из моей квартиры к тому времени, когда я вернусь домой. Потом успокаиваю себя: конечно, он уже свалил, полдня прошло.

От бара я еду сначала в магазин продуктов и набираю там пакет разного съедобного, но главное — две бутылки воды: одну из них открываю по дороге в котельную, сидя за рулём, и пью большими глотками. Жажда замучила.

Похмелье прошло, но осталась головная боль, изжога и сто других причин никогда больше не употреблять алкоголь, о которых я забуду уже завтра.

Когда я добираюсь до заброшенной котельной, день уступает место вечеру: солнце ещё светит, но уже не в полную силу, словно переходит в энергосберегающий режим. Ветер усиливается, холодает. Машину трясёт, а колёса стучат, пока я еду по перекошенным бетонным плитам: асфальта здесь нет.

Окна в здании выбиты, на стене сбоку выцветшее граффити: по рисунку расползается жёлто-зелёный мох, прячущийся между стыками кирпичей. Котельная находится в низине. За зданием протекает река, уходящая в густой хвойный лес: весной она разливается, и уровень воды поднимается настолько, что затапливает первый этаж котельной.

Забираю пакет с покупками и выхожу из машины.

Пробираюсь через заросли борщевика и кустарников, ведущих к большой железной двери красного кирпичного здания котельной. Я прячу руки в рукава куртки, а затем и вовсе поднимаю их над головой вместе с большим пакетом: словно меня арестовывают, а я сдаюсь — чтобы не порезаться и не обжечься, тем не менее какая-то из острых веток царапает и щекочет мне живот. Короткая коричневая куртка натягивается на мне, оголяя полоску бледной кожи: от пояса кожаных штанов до проколотого пупка.

Тяжёлую железную дверь с облупившейся краской открываю двумя руками: тяну на себя, пока она скрипит так громко, что в ушах звенит.

У входа валяются битые бутылки и окурки, в щель между кирпичами засунут использованный презерватив. В прошлый мой визит, два дня назад, этого добра здесь не было.

Хорошо, что люк в подвал спрятан.

Прежде чем зайти внутрь, озираюсь.

За мной никого, последнего человека я видела за километр отсюда, когда проезжала сомнительного вида автомастерскую: парень в замызганном комбинезоне и шлёпках на голые ноги возился под капотом новенькой «Лады Весты» и не обратил на меня никакого внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.